

Я. ТАЙЦ

НАХОДКА

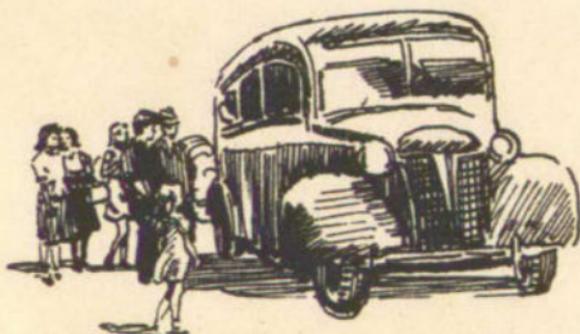

ДЕТГИЗ - 1949

Я. ТАЙЦ

Т 148

НАХОДКА

П О В Е С Т Ъ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1949 Ленинград

Рисунки
В. ЛАДЯГИНА

36009

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ,
ДЕТГИЗА

Глава первая
ДЛИННОЕ СЛОВО

Я вам расскажу про Таню Зотову, но начать надо, пожалуй, с её брата, с Лёши. Всё-таки он старше. Таня — она ещё маленькая, она только недавно перешла во второй класс. Можно даже считать, что она ещё первоклассница — ведь во втором классе она будет учиться только осенью.

А Лёша уже перешёл, как-никак, в шестой. Учителя считают, что пятые и шестые классы — самые

шумные, самые трудные. Не знаю! Во всяком случае, Лёша Зотов не был ни шумным, ни трудным.

Сейчас его нет дома. Сейчас он отправился в своё самое любимое место — в библиотеку. Он туда ходит каждый день, а то и два раза в день. Мама сколько раз ему говорила:

— Лёша, ну что ты глотаешь книги, как страус всё равно! Ведь писатель каждое словечко обдумывал, каждую страничку. А ты — хвать, ам! — и проглотил.

Лёша улыбается:

— Ладно, мама, я не буду как страус.

А сам всё «глотает».

Вот он подошёл к библиотеке. Она помещается в небольшом двухэтажном доме. Ребята, живущие на Красной Пресне, наверно знают его. Там каменный забор, ворота... Под окном растут липы. Сейчас они цветут и сладко пахнут. Лёша постоял на крыльце, подышал липовым запахом и толкнул дверь.

В библиотеке было много ребят. Одни сидели за длинным низким столом и шопотом читали:

В доме во-семь дробь о-дин

У Заста-вы Иль-и-ча...

Другие стояли в очереди вдоль жёлтого лакированного прилавка, просматривали друг у друга книжки, переговаривались:

— Это интересная — про войну!

— А это плохая книжка: тоненькая!

Лёша спросил:

— Кто последний?

Конечно, он мог бы и без очереди подойти, потому что книги выдаёт его мама. Вот она стоит там, у маленького столика, высокая, немного седая, на жакетке планочка от медали «За оборону Москвы».

Но Лёше неохота подходить без очереди. Ребята сразу поднимут шум: «Почему без очереди, почему без очереди!» А станешь им объяснять, что это мама, они, пожалуй, ещё хуже начнут: «Ага, по знакомству!»

Нет, уж лучше постоять немного.

Лёша стоит в очереди, оглядывает белые стены. На них всякие плакаты, картины, портреты детских писателей. Лёша их знает всех в лицо. Вот самый его любимый писатель — Аркадий Гайдар. У него, оказывается, на самом деле есть сын Тимур. Лёша читал его воспоминания в «Пионерской правде». Интересно, была у этого настоящего Тимура команда, как в книжке?

Когда подошла Лёшина очередь, мама быстро нашла в длинном, узком ящике Лёшину карточку и тихим голосом спросила:

— Что дома слышно, сынок?

— Всё в порядке, мама.

— Танюша что делает?

— На дворе в прыгалки играет.

— Так, — громко сказала мама. — Ну, что тебе дать, Зотов? Ты, по-моему, всю библиотеку прочитал!

— Нет, мама... Помнишь, я тебе говорил про наш отряд, про Алексея Кузьмича? Вот бы мне что-нибудь по этой части. Можно, я пройду по полкам, а? Можно?

Лёшу хлебом не корми, только дай ему порыться в книгах. Правда, мама не очень-то позволяет ему подходить к полкам — он там такой порядок наведёт, что потом ни одной книги на месте не найдёшь. Всё-таки она сказала:

— Ладно, ищи вон там, — и показала на нижнюю полку. — Только поаккуратней, пожалуйста.

— Мама, ну зачем ты каждый раз говоришь! Как будто я не знаю.

Лёша прошёл к полкам, а мама занялась другими читателями. Потом она подошла к Лёше:

— Ну вот, нагородил уже!..

— Сейчас, мама, сейчас всё будет, как было... Знаешь, мы даже настоящие раскопки будем лелать. Курганы всякие, городища...

— А где же вы курганы эти возьмёте? Я слышала, их на юге много, в степи.

— Зачем? Они и здесь есть, под Москвой. Нам Алексей Кузьмич рассказывал. Он в Академии наук работает, не шутка.

Лёша присел на корточки и начал рыться в книгах.

Вскоре он вышел из библиотеки с толстым томом в руках. Книга, видно, попалась очень интересная, потому что Лёша сразу же, на ходу, принялся чи-

тать. Ноги сами по себе шагают по тротуару, а глаза смотрят в книгу. И вдруг — стоп! Лёша налетел на гражданина, который тоже на ходу читал, только не книгу, а газету «Вечерняя Москва». Гражданин сказал: «Извините», а потом увидел, что перед ним мальчик, и обиделся:

— Смотреть надо, а не читать на ходу!

Конечно, гражданин был прав, потому что на углу Лёша задел лоток мороженщицы. У заставы он едва не угодил под грузовик.

Наконец после всех приключений он добрался до своего дома. Это на Красной Пресне, в новых домах.

Лифт с лёгким гуденьем повёз Лёшу на пятый этаж. Дверь ему открыла Таня — та самая, о которой я и хочу вам рассказать. Она очень похожа на Лёшу. У неё тоже чуточку выпяченные губы, тёмные глаза и русые волосы. Только у Лёши они острижены под ноль, а у Тани заплетены в две косички с лентами. Ленты, кстати сказать, Таня вечно теряет. То и дело слышно: «Мама, ты не видела мою ленточку?», «Лёша, тебе не попадалась моя ленточка?»

Таня посмотрела на толстую книгу, которую Лёша притащил, и стала разбирать длинное непонятное слово на переплёте:

— Ар... Ар... Арехология... Лёша, это про что это — арехология?

Лёша засмеялся:

— Это наука такая...

— О чём наука?

— Об орехах.

— А разве есть такая?

Лёша похлопал Таню по плечу:

— Эх ты, профессор! Ну где ты вычитала «археологию»? Не видишь, написано: «Археология».

Таня посмотрела:

— Не всё ли равно? А зачем она, Лёша?

— Это вам, первоклашкам, ещё рано!

— А я уже во второй перешла!

— Ох, извините, ошибся! — сказал Лёша и прошёл к письменному столу.

Раньше, до войны, это был папин стол. А сейчас одна половина Танина, а другая — Лёшина. На Таниной половине — чистота и порядок. А на Лёшиной — чего только нет! И ржавые железки, и черепки, и старинные монеты, на которые ничего не купишь, и чьи-то огромные зубы — не то волчьи, не то лошадиные...

Лёша сел за стол и снова взялся за книгу. Но Таня стала дёргать его за плечо:

— Лёша, давай играть в лото, а? Чур, я буду кричать!

— Некогда, Таня.

— Тогда в поддавки. Чур, я белыми!

— Таня, я ведь сказал — некогда.

— Ну ладно, ну тогда в домино.

— Таня, тебе, кажется, ясно говорят... — начал было Лёша, но тут на столе затрезвонил телефон.

Лёша взял трубку:

— Алексей Зотов слушает. А, Стась, здорово! Достал. Клад, а не книга... Всё есть, всё... Как измерять, как копать, как землю откидывать. Ага... Теперь можем смело ехать. Ага... Приходи... Пока!

И Лёша положил трубку. А Таня сразу навострила уши:

— Что копать, Лёша?

— Ничего!

— Нет, я знаю, вы поедете клад копать, да?

— Пускай клад, — сказал Лёша, — только отдай книгу. Не успел отвернуться, а она уже схватила!

— На, возьми, только скажи, какой клад. Лёшенька, скажи! Я ещё ни одного кладика никогда не выкопала.

— Да никакой не клад. Что ты, Танька?! Я просто пошутил.

— Нет, я знаю, ты не пошутил. Ты нарочно говоришь, я знаю. Вот придёт мама, я ей всё расскажу про вашу эту... как её... архологию.

Но Лёша уже не слышал Тани. Толстая книга подхватила его и унесла далеко-далеко, в седую русскую старину...

Глава вторая

ПРО ПАПУ

Мама, как нарочно, в этот вечер долго не приходила. Таня стояла у окна и смотрела на улицу — идёт мама или не идёт. Но мама не шла.

Сверху, с пятого этажа, Тане видны трубы, крыши, дома, трубы, крыши... Некоторые трубы очень высокие, это фабричные. За одной из них садится солнце и всё небо покрыто розовыми облаками. Дым из фабричных труб завивается в пухлые розовые кольца, и кажется, будто все облака получают из этого фабричного дыма.

Но вот на небе всё погасло, зато на земле сразу зажглись тысячи огней и повисли вдоль улиц, словно ёлочные бусы. А на углу засветились большие часы. Обе стрелки слились в одну толстую стрелу на цифре «девять».

Таня обернулась к Лёше. Он уже не читал, а думал о чём-то, подперев кулаками голову.

— Лёша! Ну Лёша же!

— Что?

— Почему мамы так долго нет?

— Задержалась...

Таня подошла к Лёше:

— Ладно, Лёша, не хочешь про клад — ладно, тогда про папу расскажи.

— Я ведь тебе уже сто раз рассказывал.

— А я про папу тыщу раз могу слушать.

Лёша знал — от Тани отделаться нелегко. Да и сам он любил рассказывать про папу. Когда рассказываешь, всё вспоминается, и кажется, что папа опять здесь, рядом.

— Ну, ладно.

Он сел на подоконник, обхватил руками колени и

стал смотреть на огоньки за окном. Их было очень много, они разбежались далеко, словно звёзды на небе, и так же, как звёзды, мигали и переливались в синей темноте весеннего вечера.

Таня села рядом с Лёшей и прижалась боком к его твёрдым коленкам.

— Ты читала в «Пионерке» воспоминания Тимура Гайдара?

— Нет, не читала. Там очень маленькие буковки. Мы такие не проходили.

— Эх вы, «буковки»! — усмехнулся Лёша. — А знаешь, Таня, я бы тоже хотел написать воспоминания...

— Про кого?

— Ясно про кого: про папу.

Таня сказала:

— Я бы тоже...

— Что «тоже»?

— Воспоминания про папу.

Лёша легонько дёрнул Таню за косичку:

— Чудная ты, Танька! Какие могут быть воспоминания, раз ты его не помнишь!

— А может, я вспомню! Вот буду о нём думать, думать и вспомню.

Лёша ничего не ответил.

В комнате становилось всё темней, но света зажигать ни Лёше, ни Тане не хотелось.

— Не знаю, про что рассказывать, — начал Лёша, — про Кунцево, что ли? Но раз ты не помнишь... А я помню, как мы поехали туда, к бабушке, и ночевали там, а папа тебя вареньем кормил с ложечки, а ты вся измазалась, пчёлы так и липли к тебе, а ты — ничего, только отмахиваешься и кричишь: «Исё, исё!» А потом мы все пошли на Москву-реку купаться, и тебе там щёки отмывали, а ты болтаешь ногами, орёшь во-всю, а папа стоит на берегу и приговаривает: «Так её, так, исё, исё!»

Таня засмеялась:

— Он был смешной, да?

— Ох, он любил смешить! Шутил всё. А потом мы пошли домой и узнали, что война. А раньше мы ничего не знали.

— Ну, и что? И дальше?

— Ничего. Началась война — и всё.

Лёша замолчал. Как рассказать Тане про те первые дни, про то, как Москва сразу вся потемнела, словно насупилась, про то, как проходили по улицам колонны бойцов с грозной песней:

Идёт война народная,
Священная война.

Лёше вспомнилось, как однажды он побежал за такой колонной и один из бойцов сказал: «Пойдёшь с нами, сынок?» «Пойду», ответил Лёша и долго шагал в ногу с колонной и подпевал:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
Сразиться с силой тёмною —
С фашистскою ордой.

Потом боец сказал: «Ступай домой, сынок, ступай, а то заблудишься». Бойцы ушли, а Лёша прибежал домой и сказал: «Папа, пойдём на войну». И запел «Вставай, страна огромная». А папа сказал: «Нет, Лёша, сначала я пойду, а потом уж сообразим насчёт тебя». Но папа долго ещё оставался дома, потому что завод не отпускал. Ведь он работал на военном заводе. Потом он даже домой не приходил, а всё время был на заводе и ночевал там. Это называлось — на казарменном положении.

Но как обо всём этом рассказать Тане!

— Ну, что ж ты? — сказала Таня.

— Пусти-ка, Танька, нога затекла! — Лёша сел поудобней. — Вот... значит, началась война. Начались дежурства... Затемнение... Детей стали эвакуировать...

— А это что? — спросила Таня.

— Это значит — увозить подальше от Москвы. Потому что начались налёты. Каждую ночь. Прямо спать не давали. Но мама сказала, что она из Москвы не уедет. И я тоже сказал: «Не уедем!»

— И я бы тоже так! — сказала Таня.

— Правильно! А немцы всё ближе к Москве. И вот раз папа пришёл с завода и говорит: «Пришёл проститься, иду». Мы сразу поняли куда и стали его собирать. А вечером пошли провожать на сборный пункт — там, за площадью Маяковского.

— И я пошла? — спросила Таня.

— Ага! Папа тебя ещё на руках нёс. Идём, а кругом — темень! Идёт машина, а её не видно, только маленькие синие подфарники. Идёт трамвай, а его не видно... Так и кричали: «Кондуктор, какой номер?» Добрались мы до Маяковского, папа стал прощаться с нами и говорит: «Ждите, я вам письмо напишу, теперь фронт близко, письмо живо дойдёт. И полевую почту вам напишу — и всё».

— Какую полевую почту? — спросила Таня.

— Это тогда так писали, адрес такой: номер — и всё.

— А где же письмо? — сказала Таня. — Ведь письма не было.

— Не было, — отозвался Лёша, — но мы тогда думали — будет. А потом папа сказал: «Лёша, ты теперь один мужчина в семье, имей в виду». И всё такое. И чтобы я маме помогал...

— И меня не обижал, — подхватила Таня.

— Про это он ничего не говорил. А я тебя и так не обижаю.

— А я ничего не говорю, — сказала Таня. — Дальше...

— Дальше — всё. Папа остался, а мы пошли домой. И вдруг — вуууу! «Граждане, воздушная тревога». А мы тут недалеко от Маяковского метро — и, значит, туда. А там тепло, светло. Как сейчас. Только на платформах, вот где люди ходят, везде лежаки — пожалуйста, ложись, спи. На них всякие старушки, мамы с детьми. Ну, и мы пристроились. Я ведь ещё тогда маленький был. Сколько? Семь лет. Ещё в школу не ходил.

— Ого, даже поменьше меня был! — удивилась Таня.

— Да... Ну вот. Сели мы. А ты всё таращишь глаза на лампы, а потом заснула. А я говорю: «Мама, поспи, а я посижу с Танькой», и незаметно сам заснул. Потом, чувствую, мама будит: «Пора, Лёша, вставай». А мне спать ещё ой как охота! Открыл глаза и сначала даже не понял, где я. Мне уж там снилось что-то хорошее, будто войны нет. Мама го-

ворит: «Пошли, детки, отбой». Поднимаемся на эскалаторе, а сами думаем: «Как там, наверху, Москва?» И вот вышли на Садовую... Светает, аэростаты спускаются...

— А, это я знаю! Это вроде рыбы, такие большие.

— Ага... Смотрим — а Москва вся целёхонья! И только стекло хрустит под ногой. Это от волны...

— От какой волны, Лёша?

— От взрывной... от воздушной. В общем, от фугаски, понимаешь?

— От какой фугаски?

— Ну, от бомбы. Ладно, потом... Идём. Дошли до нашего переулка, и вдруг мама меня как дёрнет за руку, как закричит: «Батюшки, Лёшенька, да что ж это!» Я смотрю, Танька, вижу — нашего дома, вот где мы жили, нету. То-есть он есть, только это уже не дом, а просто развалины. Крыша пробита, стена обвалилась, и всё вот так вот исковеркано.

Таня крепче прижалась к Лёшиным коленкам и повела плечом:

— Как страшно!

— Ещё бы не страшно! Если б не папа, если бы мы его провожать не пошли, нам бы всем тогда конец был...

Таня посмотрела на Лёшу:

— Какой конец?

— Обыкновенный конец — и всё. Выходит, папа нас всех спас тогда. Ты заплакала. Даром что такой клоп была, а поняла, что дом разбомбили. Даже я, и то заревел. А мама говорит: «Деточки, не плачьте, это ещё счастье, что никого дома не было». А у самой слёзы.

— А я никогда не видела, как мама плачет, — сказала Таня.

— И я, — сказал Лёша. — Только когда извещение получили.

Лёша снова замолчал. В комнате стало совсем темно и тихо. Только снизу, со двора, с улицы, доносились весёлые голоса неугомонных ребят, звонки трамваев, гудки машин — весь обычный гул огромной Москвы.

Зимой его меньше слышно, но летом, когда окна открыты, этот шум не прекращается ни на минуту. И даже если глубокой ночью встанешь и прислушаешься, обязательно услышишь невнятный, но ровный, бодрый гул — гул Москвы.

— А потом что? — сказала Таня.

— Потом ничего. Походили мы около развалин, вытащили, что смогли: папин стол, диванчик этот, игрушки-погремушки твои. Потом пошли в райсовет, ночевали у каких-то соседей, а потом нам эту квартиру дали, в новом доме...

Таня сказала:

— А я знаю... А я знаю, почему от папы письма не было.

— Почему?

— Знаю: потому что он по старому адресу писал, а мы уже в новом доме жили...

Лёша махнул рукой:

— Чудила ты! Будто мама не ходила на почту, будто не спрашивала!

— А может, оно где-нибудь затерялось.

— Не знаю, Танька. А может, папа просто не успел его написать. Ведь на войне знаешь как: командир даст приказ — бей врага, и ни шагу назад!

Лёша долго рассказывал. Таня слушала его и всё старалась вспомнить папу. И порой ей казалось, что вот ещё немножко, ещё чуточку — и она его всё-таки вспомнит...

Глава третья

СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ

Наконец пришла мама. Она вошла в комнату, увидела, что темно, стала нашаривать на стене выключатель и сказала:

— Ау, птенцы! Где вы тут?

В комнате сразу стало очень светло. Лёша и Таня щурили глаза и смотрели на маму. Таня подбежала к ней:

— Почему так поздно?

— Надо было, дочка. А вы что же это, опять на подоконнике сидели!

— Мама, мы ведь уже не маленькие.

— Знаю я таких немаленьких! И почему в потёмках, как совы?

— Просто так, — сказал Лёша. — Вспоминали всякое...

Мама поставила в угол сумку, сняла жакетку.

— Вы что ж это, не ужинали ещё? Ах вы, такие-сякие, живо за стол, я сейчас...

Она пошла к себе в комнату переодеваться. А Лёша с Таней стали подавать на стол: три тарелки, три ложки — всё по три.

Потом сели ужинать. Хорошо, когда мама дома, сидеть за столом, покрытым белой скатертью, под яркой лампой... Лёша пил чай из стакана с подстаканником, а мама с Таней — из чашек. Ужинали молча, потому что папа не любил, когда за едой болтают. Говорили только самое необходимое: «Лёша, отрежь Тане хлеба», «Таня, подай чашку», «Мама, подлей горяченького»...

После ужина Лёша с Таней вымыли посуду — три тарелки, три ложки, всё по три, — смахнули крошки со скатерти, подмели, причём Таня держала совок, а Лёша заметал на него мусор.

Когда всё было кончено, мама сказала:

— Так, молодцы! А теперь давайте устроим семейный совет.

Таня очень любила семейные советы. Она закричала:

— Ой, скорей, давайте!

И вот все втроём усе-
лись на старый плюше-
вый диван: мама, конеч-
но, посере́дке, а Лёша с
Таней — по бокам. Мам
накинула на плечи белый
шерстяной платок с длин-
ными кистями, а Таня
прижалась к маме и при-
крылась уголком платка.

— Значит, так. Была я сегодня в райсовете. Секретарь говорит: «Лидия Мироновна, вот вам пу-
тёвка в сердечный санаторий «Зелёный шум», здесь
под Москвой. Вам как жене погибшего фронтовика
бесплатно. Ехать через два дня». Посмотрела я на
эту путёвку и говорю: «Спасибо, товарищи, но как
же я своих птенцов-то оставлю?» А секретарь гово-
рит: «Ничего, они у вас уже большие, две недельки
пробудут и без мамы, ничего им не сделается». Вот,
«большие», давайте совет держать: управитесь вы
тут без мамы или нет?.. Таня, да не рви ты на мне
платок, пожалуйста!

Пока мама говорила, Таня всё заплетала косички
из кистей на платке. Наверное, косичек двадцать
заплела.

Она отпустила платок и в упор посмотрела на
маму. Как же так? Как же это мама уедет на целых
две недели! Как же без неё быть? А кого они с Лё-
шей по утрам будут провожать в библиотеку, кого

встречать по вечерам? Нет, нет, две недели это слишком долго, это всё равно, что целый год! Она вскочила:

— Я...

И вдруг прикрыла рот рукой. Она подумала: «А почему это я первая должна говорить? Пускай вперёд Лёшка скажет. Ишь, хитрый какой — сидит и молчит. Ведь он старше. Если он скажет, чтобы мама осталась, она его скорее послушает. Всё-таки он мужчина — и чай пьёт с подстаканником, и всё такое».

Она сказала:

— А почему я первая? Пускай вперёд Лёша скажет. И всё!

И она снова села подле мамы и давай расплетать шерстяные косички, которые она только что старательно заплетала.

Мама повернулась к Лёше:

— Что ж, твоё слово, сын!

Лёша поднялся, засунул руки в карманы и стал ходить взад и вперёд по комнате широким, размашистым шагом, как папа. Потом он остановился перед мамой и сказал:

— По-моему, вопрос ясен. Тебе надо ехать, факт! А мы тут управимся. Если что сварить, я сумею. Помнишь, какой я тогда зимой суп сварил?

Мама улыбнулась, а Таня сморщилась:

— Такой солёный был, что до сих пор во рту противно!

— А зачем ты солила? — сурово спросил Лёша. — Кто тебя просил!

— А почему ты не сказал, что уже солил?

— Ладно, будет вам, — сказала мама и повернулась к Тане: — Ну-с, дочура, а ты что скажешь?

Таня молчала. Она растерялась и не знала, что сказать. Вот так Лёша! Выступил, называется!

— Танюша, поскорей, — сказала мама, — а то спать пора!

Таня встала и тоже начала ходить по комнате. Только карманов у неё не было, поэтому она не могла вышагивать с таким деловым видом, как Лёша.

— Я сначала думала не так, — сказала Таня, — потому что без мамы нельзя. Как мы это будем без мамы, я себе даже не представляю.

— Ну да, — сказал Лёша, — вас надо ещё с ложечки кормить!

— При чём тут с ложечки? Я знаю, мама, тебе надо ехать — и всё. Чтобы ты поправилась. Чтобы у тебя сердце не билось.

Она подбежала к маме, обняла её и стала стискивать изо всех сил:

— Мамочка, миленькая, не уезжай! Нет, уезжай, уезжай! И приезжай вот такая толстая, вот такая...

— Танюша,пусти! Ты меня раздавишь!

— Пускай раздавлю, пускай! — И Таня всё тормошила маму.

— Танька, перестань! — сказал Лёша.

— А ты чего?

Таня отпустила маму, обернулась к Лёше и вдруг как толкнёт его на диван! Лёша с размаху плюхнулся на диван так, что старые пружины жалобно загудели. Все засмеялись. Потом мама поправила волосы, натянула на плечи платок и сказала:

— Я думаю вот что. Я думаю, мы ещё попросим кунцевскую бабушку у нас пожить эти две недельки. Всё-таки я буду спокойней.

— Правильно, бабушку! — обрадовалась Таня: она очень любила бабушку.

— Даёшь бабушку! — крикнул Лёша. — Да здравствует бабушка!

На этом семейный совет и закончился. Решение было принято единогласно: маме в «Зелёный шум» ехать.

Глава четвёртая

ДОРОГАЯ МАМА!

Кунцевская бабушка, папина мама, была старенькая. Один раз Тане вздумалось пересчитать все морщинки на бабушкином лице. Считала-считала, вдруг бабушка улыбнулась, и морщинок сразу стало вдвое больше.

— Бабушка, не надо смеяться, — сказала Таня, — а то я сбиваюсь.

— И, внученька, — сказала бабушка, — всё равно не сочтёшь. Мне шестьдесят осмой. Клади по одной на каждый год — не ошибёшься!

Она приехала в четверг, пятнадцатого. В пятницу, шестнадцатого, мама уехала в санаторий. А в субботу, семнадцатого, Таня уже сидела за своей половиной стола и писала маме письмо. Она обещала писать маме каждый день.

Она выбрала в пенале самую лучшую ручку, самое новенькое перышко и теперь старательно выводила буквы, чтобы маме понравилось её письмо.

Таня ещё никогда не писала писем. Это дело не простое. Надо, чтобы ни одной кляксинки не было. Надо знать, где поставить точку, где запятую, где восклицательный знак, где вопросительный... Надо знать, как перенести слово, если не помещается.

Таня сидит и пишет:

«Дорогая мама! (Тут можно восклицательный.) Пишу тебе письмо. (Тут можно точку.) Лёша пошёл за хле- (тут надо перенести, а то не поместится) бом. Бабушка пошла в мага...»

Дзинь! — затрещал звонок в коридоре, словно закончил слово.

Таня осторожно положила перо и пошла открывать:

— Лёша, ты?

— Не совсем.

— Как это — «не совсем»? А, я знаю, это Стасик, да?

— Он самый!

Таня отперла дверь. Перед ней стоял Стасик — Лёшин товарищ. Он толстый, у него светлые, почти

белые, как на зубной щётке, волосы. И растут они так же — щёткой.

— Бью челом, — сказал Стасик. — Где боярин Алексей?

— В булочной. Сейчас придёт.

— Так. Ясно-понятно. — Вдруг Стасик низко, в пояс, поклонился Тане и басом сказал: — Дозволь, боярышня, обождать в горнице!

Таня засмеялась и потрогала пальцем щётку на затылке у Стасика:

— Почему ты так смешно говоришь?

— А у нас, боярышня Татьяна, в отряде сейчас все так говорят.

— Не надо так, Стасик.

— Есть не надо!

Стасик выпрямился и прошёл в комнату. На нём зелёная гимнастёрка и широкий ремень, наверно отцовский. На боку висит маленький настоящий фотоаппарат.

— Стасик, знаешь, сними меня, — сказала Таня.

— Сейчас освещение неподходящее, — сказал Стасик. — Светосила не та. Завтра! Нет, и завтра тоже нет: завтра весь наш отряд уезжает.

— Куда?

Стасик нашёл на Лёшиной половине стола старинную монету и стал её разглядывать:

— Куда, говоришь? По особому заданию, вот куда.

Но Таня не поняла:

— По какому «особому заданию»?

Стасик положил монету, поднял указательный палец и с важностью произнёс:

— Ар-хе-оло-ги-ческие раскопки!

— Чего? — переспросила Таня.

— Я ж тебе сказал: раскопки. Разве тебе Лёша не говорил?

— Ничего не говорил. Это копать, да?

— Да. Именно что...

— А... он тоже поедет?

— Конечно, — сказал Стасик, — ведь он у нас главный заводила.

— Никуда он не поедет! — сказала Таня. — Ничего он не поедет.

Ей сразу захотелось плакать. Это было слышно по голосу. Но только она стеснялась Стасика.

— А что вы будете копать? Клад, да?

— Именно что клад, — засмеялся Стасик.

Тут снова раздался звонок: дзинь!

Таня опять побежала к двери:

— Кто?

Это был Лёша. Он подал Тане сумку:

— Держи. Тут кило белого и пол...

Но Таня сумки не взяла.

— Я не останусь! Я тоже... я не останусь...

— погоди, Таня! Что «тоже»? — не понял Лёша.

— Как будто ты не знаешь! Копать клад, вот что «тоже». Я не останусь, так и знай. Мне Стасик всё рассказал.

— Как — Стасик!
А разве он здесь?

Лёша вошёл в комнату, поздоровался с товарищем:

— Эх, Стась, ну зачем ты ей рассказал? Почему со мной не согласовал? Теперь она не отвяжется!

Стасик почесал белый затылок:

— Отвяжется!

— Не отвяжусь! — крикнула Таня.

Лёша заложил руки в карманы и прошёлся по комнате:

— Таня, ты не дури, ладно? Тебе там будет страшно, потом ещё приснится. Ведь там только скелеты и никакого клада нет.

— Да, — подхватил Стасик, — там ещё привидения бродят и даже дерутся.

Таня засмеялась и топнула ногой:

— Никаких привидений нету! Это всё сказки. Я знаю, вы хотите от меня удрать. А я всё равно поеду. Поеду, поеду, поеду!

— Таня! — крикнул Лёша. — Умолкни! Ты что — думаешь, не справимся с тобой? Ещё как справимся! А кто обещал маме, что будет меня слушаться? А?.. Стась, давай!

Они отошли в сторонку, раскрыли толстую книгу и стали читать и перешёпываться.

А Таня села дописывать своё письмо. Теперь буквы получались кривые, перо царапало бумагу, кляксы так и садились одна за другой, но Тане не до того было. И знаков она уже никаких не ставила:

«Дорогая мама Лёша поедет копать клад а меня не берёт дорогая мама пускай он меня возьмёт...»

Вдруг слеза капнула на букву «м», и оно стало вроде «ш». Потом капнуло на «и», и оно стало похоже на «а». Но Таня не обращала на это никакого внимания. Ладно, пускай! Пускай мама видит, до чего они её довели.

А Стасик и Лёша всё шептались в углу, как заговорщики. До Тани доходили только отдельные непонятные слова: «культурный слой... напластования... диаметр...»

Наконец они кончили шептаться. Стасик поклонился Лёше и сказал:

— Будь здоров, боярин Алексей. Значит, завтра у школы к семи ноль-ноль. А там все на трамвае до метро. А там на автобусе до Шумилова.

Он подошёл к Тане:

— До свиданья, свет боярышня, не плачь!

— Сам боярышник! — сердито ответила Таня.

Как только за Стасиком захлопнулась дверь, Таня снова стала просить:

— Лёша, миленький, ну возьми меня!

Лёша насупил брови:

— Опять двадцать пять! Чудила ты, Танька! Вдруг гроза, дождь, мало ли что! Простудишься, захвораешь... Там будут одни наши шестиклассники, ну при чём тут ты? Ну скажи, при чём?

— Ни при чём! Не простужусь! Не захвораю!

Она замолчала, села на диван и стала тереть пальцем потёртый плюш. Потом она сказала:

— Я знаю: вот если бы папа тебе велел: «Лёша, возьми Таню!», ты бы сразу взял, да!

Лёша искоса посмотрел на Таню. Она вытирала слёзы чернильными пальцами, и всё её лицо покрылось лиловыми разводами. Ему вдруг стало её жалко. Он сказал:

— Ладно. Возьму. Только поди умойся, а то ты на зебру похожа!

Таня вскочила с ногами на диван.

— Правда? Возьмёшь?

И прыгнула с дивана прямо на Лёшу. Потом подхватила полотенце и побежала на кухню умываться. А Лёша достал заплечный мешок и начал укладываться.

Он взял еды, мыло, полотенце, компас, рулетку — всё, что полагается путешественнику.

Потом он прошёл на кухню, нашёл в углу заступ и стал его осматривать. Таня повернула к Лёше намыленное до ушей лицо, приоткрыла один глаз и спросила:

— А мне где лопата?

— Ладно! Будешь копать моей!

И Лёша стал обматывать заступ чистой белой тряпкой.

Глава пятая

УТРОМ

Раньше всех поднялась бабушка. Бабушки-то вообще все мало спят. Она подошла к дивану, на котором, укрывшись с головой, спал Лёша.

— Вставай, Алексей, вставай, не то проспишь всю свою артель.

Бабушка была против того, чтобы Таня ехала с Лёшей нивесть куда, нивесть зачем, на край света. Поэтому она разбудила его одного.

Лёша мигом вскочил и как был, в трусиках, побежал к окну.

Вот хорошо! Погода замечательная! Небо синее-синее! Солнце яркое, новенькое и светит изо всех сил прямо Лёше в лицо. Дома, трубы, крыши, деревья — вся Москва освещена сбоку низким солнцем и подёрнута утренней дымкой.

На уличных часах обе стрелки вытянулись в одну длинную стрелу. Одним концом она упирается в двенадцать, а другим — в шестёрку.

Лёша для разминки раза два присел на корточки, подвигал руками, ногами, подышал через нос, как только мог глубоко, и сказал:

— Спасибо, бабушка, что разбудила. А погодка-то, погодка, как на заказ!

Он стал одеваться, прыгая на одной ноге. Время от времени он оглядывался на Таню. Она крепко спала. Её голая пятка высунулась между прутиками. Кровать была детская, с крючками для сетки. Таня из неё уже выростала. Правая Танина рука с плохо отмытыми чернильными пальцами свешивалась до самого пола.

— Бабушка, — шопотом спросил Лёша, — а как же нам с Танюшкой быть?

Бабушка осторожно подняла голую Танину руку, положила на подушку и прикрыла одеялом:

— Пускай спит, нечего ей с вами, с большими, делать. Только устанет.

— Бабушка, но я ведь ей обещал!

— И зря. Танюшку я всё одно не пущу. Лидочка её бы тоже не пустила. Садись-ка лучше да поешь на дорожку, а я в молочную схожу, пока народу мало.

Бабушка набрала полную сумку кефирных бутылок, повязалась старинным чёрным платком и ушла.

Лёша потихоньку, чтоб не звякнуть ложечкой, пил чай, смотрел на Таню и думал:

«Как же теперь быть? Не брать — неудобно, а брать — ребята поднимут на смех. «Ты бы ещё, — скажут, — младенца с соской привёл». Возиться там с ней ещё, нянчиться! И зачем только я обещал? В общем, так: проснётся — возьму, а проспит — пеняй на себя!»

Но Таня не просыпалась. Она вчера вечером поздно заснула. Она всё лежала с открытыми глазами и думала, как они с Лёшей поедут за кладом, как они его выкопают... Ей даже самый клад приснился: огромный зелёный сундук, а в нём всякие диковинки и сокровища.

Лёша допил чай, закинул за плечи лямки вещевого мешка, взял заступ и пошёл к двери. И всё потихоньку, на цыпочках.

На пороге он остановился, подумал, вернулся, вырвал из записной книжки листок и крупно, чтобы Таня смогла разобрать, написал:

«Таня, ты не обижайся, а только ты спала, вот и получилось. Только смотри не реви. Вернусь из Шумилова, сходим с тобой в кино».

И подписался: «А». И точку поставил.

Куда б это пристроить, чтобы Таня сразу увидела? Вот сюда, пожалуй.

Лёша положил записку на подушку возле Таниного носа, подхватил заступ, взял его на плечо, как винтовку, и вышел из комнаты.

А Таня всё спала. Потом бойкая весенняя муха вздумала прогуляться по Таниной пухлой губе.

Таня мотнула головой, дунула и повернулась на другой бочок. Но тут она сквозь сон вспомнила: сегодня что-то надо сделать важное. Ну да, сегодня надо ехать с Лёшей за кладом!

Она сразу открыла глаза. Ой, как светло! Значит, уже поздно. Что же это Лёша ещё спит!

Она откинула ногами одеяло и позвала:

— Лёша!

Молчит.

— Лёша!

Опять молчит. Видно, крепко спит.

Таня приподнялась на локте и посмотрела на диван. На диване Лёши не было!

Где же он? Таня сразу почувяла недоброе. Да нет, не может быть! Просто он пошёл на кухню умыться.

И Таня закричала изо всех сил:

— Лёша!

Тишина.

И тут только Таня увидела на подушке записку. Она схватила её, прочитала, сначала не поняла, потом поняла, бросила записку, уткнулась носом в подушку и заплакала. Мамочка! Да что же это! Не могли разбудить! Им бы только потихонечку позвать «Таня», и она бы сразу вскочила и быстренько оделась. Не надо ей никакого кино. Подумаешь — кино! Ей надо клад копать. А теперь они будут копать клад без неё!

Таня подняла голову. Нет, нет, не может этого быть, чтобы без неё! Не может этого быть!

— Бабушка! — позвала она всхлипывая. — Ба... бушка!

Бабушка тоже не отвечает. Значит, они её оставили совсем одну. Одну-единёшеньку. Таня пододеяльником вытерла глаза и босая подбежала к окну. Было семь часов и ещё немного.

А Стасик, помнится, вчера сказал: «У школы к семи ноль-ноль». Ноль-ноль это ничего не значит, значит просто к семи.

Можно ещё поспеть. Пока они там будут собираться, договариваться... Только надо всё очень быстро. Лёшина школа недалеко, в переулке, рукой подать. Таня побежит, схватит Лёшу за руку: «Что, хотел без меня уйти?!»

Таня живо оделась, наскоро причесалась, сунула в рот кусочек сахара, выбежала из квартиры и хлопнула за собой дверь.

Она быстро-быстро, прыгая через две ступеньки, сбежала по лестнице. Кое-где она даже на перилах прокатилась, как мальчишки.

На улице хорошо. Длинные тени от домов лежат на мостовой. Народу ещё мало. Сегодня воскресенье, все отдыхают. Таня побежала по тротуару. И вдруг, как нарочно, развязался шнурок на тапочке и потянулся за ногой, как хвостик. Но поправлять некогда. Надо скорей к школе, пока они не уехали.

Таня добежала до переулка. Издали ещё она увидела высокое новое здание мужской школы с большими окнами и колоннами. Дворничиха в белом фартуке поливала асфальт перед школой. Вода шипела. Над ней стояла маленькая радуга.

— Тётенька... — Таня еле переводила дух. — Тётенька...

— Берегись, ошпарю! — крикнула дворничиха.

Шланг был кое-где проколот. Из его боков со свистом вырывались тоненькие блестящие струйки. Холодные капельки, как бусинки, отскакивали от асфальта и падали на Танины ноги.

— Тётя, вы не видели... тут мальчишки не собирались?

— С лопатами, что ли?

Таня изо всех сил закивала головой:

— Да, да, да, с лопатами!

— Были, дочка. На трамвай пошли, на двадцать второй, что ли.

Вода снова зашипела. Таня вздохнула, нагнулась и стала завязывать намокший шнурок.

— Тётяшка, а давно они ушли?

— Да только что...

Только что? Значит, их можно ещё захватить на остановке. Это тоже недалеко. И Таня пустилась бежать к трамвайной остановке.

У чугунного столба народу было немного: женщина с ребёнком, старик с удочкой, два солдата с медалями. Но ни Лёши, ни Стасика, ни других ребят из Лёшиной школы не было.

Всё пропало. Они уехали и теперь будут копать клад без неё. Что же теперь делать? Теперь надо идти домой, к бабушке.

Но тут со звоном к остановке подошёл новенький двадцать второй трамвай. Яркая вишнёвая краска так и лоснилась на его боках и круглом «животе». И звон у него был чистый, высокий, тоже как будто новенький.

Трамвай остановился подле Тани. И Таня недолго думая схватилась за жёлтые поручни и вскочила в вагон. Может быть, Лёша там?

Изнутри вагон тоже был новенький, весь румяный какой-то. Но Лёши там не было.

Вдруг трамвай пошёл. Таня крикнула:

— Остановите, я ещё не сошла!

Кто-то сказал:

— Сойдёшь на следующей.

И тут Таня подумала: зачем сходить? Ведь Лёша

на двадцать втором, и она на двадцать втором. Значит, его можно догнать. Вот интересно будет, если она его догонит! Он всё будет ахать да удивляться: «Откуда ты взялась? Вот это да! Ай да Таня!»

— Дочка, а ты, между прочим, почему билет не берёшь?

Таня подняла голову. Это кондуктор. У него сердитые брови. Таня растерялась. У неё и денег с собой ни копейки. А дома в копилке, как нарочно, осталось восемь рублей своих, Таниных, денег.

— Я... брата догоняю, — сказала Таня, — он тоже на двадцать втором. Вот догоню и возьму билет.

— Ведь ты, небось, и в школу ходишь, — сказал кондуктор.

— Я уже во втором классе, — сказала Таня.

— Видишь! Значит, полагается билет.

— Вы не думайте, я знаю, что полагается, — сказала Таня.

Вдруг сзади протянулась чья-то рука:

— Кондуктор, держи монетку. За девочку.

Таня оглянулась. Это был старичок с удочкой.

Он дал Тане синенький бумажный лоскуток:

— Держи, дочка. Ты куда же это собралась одна, без отца-матери?

— Я брата догоняю, дедушка, — ответила Таня. — Он поехал клад копать...

— Клад? — Старик улыбнулся, и сразу стало видно, что у него очень мало зубов. — Смотри, выроешь клад — не забудь мне должок вернуть.

— А я не знаю, где вы живёте, — сказала Таня. Но старик уже прошёл вперёд. Его тонкая удочка качается над головами где-то там впереди, у первой площадки.

Таня крикнула на весь вагон:

— Дедушка, спасибо! — и крепко зажала в кулаке синий бумажный лоскуток.

Глава шестая

СЕЙЧАС С ВАМИ БУДУТ ГОВОРИТЬ

Бабушка купила молока и пошла домой. Лифт с девяти, а сейчас только восемь. Вот ей и пришлось пешком взбираться на пятый этаж. Она шла и думала: «Сейчас напою Танюшку молочком, сама кофею побалуюсь, а потом мы с ней уберёмся и сходим в Зоопарк, к мартышкам...»

Она отперла дверь, зажгла на кухне газ и поставила молоко на огонь, который был очень похож на большой цветок с голубыми лепестками. Лепестки чуть шевелились. Молоко морщилось, словно сердилось на бабушку за то, что она стережёт его. Морщилось-морщилось, потом как вздуется белой шапкой! Но тут бабушка подхватила горячую кастрюлю и понесла в комнату.

Вдруг она чуть не выронила кастрюлю. В комнате Танюши не было! Везде набросано. Чулки — на столе, одеяло — на полу, сахарница — на стуле...

Бабушка покачала головой. Увёл-таки девчонку, этакий неслух! Что ж, она теперь целый день не евши, не пивши будет бродить с ними, клад какой-то там копать, намается, головку напечёт...

Бабушка вздохнула и принялась за уборку. Не с кем ей теперь кофейку попить, не с кем к мартышкам сходить!

Она подняла Танино одеяло и встряхнула, чтобы постелить. Из одеяла выпала записка. Бабушка подняла её. Может, нужная? Справка? Или доверенность?

Бабушка надела очки, прочитала:

«Таня, ты не обижайся, а только ты спала, вот и получилось. Только смотри не реви. Вернусь из Шуилова, ходим с тобой в кино. А.»

Это что ж такое? Это, стало быть, Лёша ушёл вперёд, а Танюшка уж потом за ним вдогон пустилась! Батюшки, что ж теперь будет! Хорошо, как Танюша догонит его. А вдруг не догонит? Она ведь тогда и дальше побежит. Ведь у неё характер настойчивый, в отца пошла. Андрей тоже с этаких лет бывало как чего задумает, обязательно на своём поставит!

Правда, Танюша девочка сообразительная, и адрес свой знает, и спросить может. Но движение на улицах — вот что страшно. Ведь это не Кунцево, это Москва. Машины так и бегают одна за одной!

Бабушка растерялась. Начнёт подметать — бросит. Начнёт постели стелить — тоже бросит.

Может, в милицию позвонить? Милиционеры недаром по всей Москве расставлены. Ведь это их забота — следить, чтобы маленькие девочки одни не бродили по Москве.

Но как дозвониться? Очень это мудрёное дело. Если бы просто снял трубку да голос бы услышал человеческий, тогда ничего. А тут крути-верти, гудки понимай. А как вертеть, в какую сторону?

Бабушка смотрела на кружок с дырочками и цифрами и всё прикидывала: как бы так позвонить, чтобы на милицию вышло?

И вдруг, как нарочно, телефон сам громко-громко затрезвонил.

Бабушка даже вздрогнула. В ногах сразу появилась слабость. Это, наверно, они из милиции сами уже звонят. Мол, с девчонкой несчастье случилось. Не ваша ли? В белом платье с синей каёмкой да в тапочках на босу ногу.

Бабушка опустилась на стул. А телефон всё звонит-заливается. Никогда ещё такого трезвона не было!

Бабушка трясущейся рукой взяла трубку:

— Слушаю!

В трубке сказали:

— Сейчас с вами будут говорить!

Бабушка хочет сказать «Хорошо» и не может. И только всё сильнее прижимает трубку к уху.

А в трубке шум, писк, треск, не поймёшь ничего, и только всё мерещится что-то страшное.

Вдруг бабушка услышала родной, знакомый голос:

— Алло! Кто это? Почему не отвечаете?

— Лидочка! — крикнула бабушка. — Это ты?

— Здравствуйте, Прасковья Петровна! Это я... звоню из санатория. Ну, как вы там без меня?..

— Ничего, Лидочка. Вот Алёшенька нынче чуть свет уехал копать чего-то...

— А, — сказала мама, — это я знаю, это он с отрядом. А Танюшка как там? Спит ещё?

— Нет, — сказала бабушка.

— Тогда, мамаша, позовите её к телефону.

Бабушка переложила трубку в другую руку и сказала:

— Лидочка, Татьяна тоже уехала.

— Куда? — спросила мама. — С Лёшей?

— Да нет, Лидочка, не с Лёшей, а за Лёшей...

— Как — за Лёшей? — крикнула мама. — Алло, не слышу... Как — за Лёшей? — И бабушке слышно было, как мама где-то там далеко дует в трубку. — Алло!..

— Видишь, Лидочка... только ты не тревожься... Он-то раньше ушёл, а она — за ним, догонять его... Я за молоком отлучалась. Они тут без меня распределились...

Мама стала громко и быстро говорить:

— Мамаша, как же так... Ведь она ещё маленькая, ведь её искать надо... она может потеряться... Как же вы так?

Бабушка не знала, что сказать, и только горестно кивала головой вместе с прижатой к уху телефонной трубкой. А в трубке был слышен мамин тревожный голос:

— Мамаша, вы только скажите, может вы слышали, куда Лёша поехал, может он говорил...

— Говорил, Лидочка, да и в записке пишет: в Шумилово, мол, еду.

— Куда? Мамаша, вы погромче, поясней, по буквам скажите.

Бабушка отдельно сказала:

— Шу-ми-ло-во! Деревня такая, Шумилово...

Вдруг чужой голос сказал:

— Кончайте, разъединяю!

— Минуточку! — сказала мама. — Прасковья Петровна, вы будьте дома, я вам ещё позвоню, я...

Но тут разговор оборвался. В трубке опять раздался писк, шум и треск.

— Лида! — позвала бабушка. — Лидочка!

Но Лида не отвечала. Бабушка подержала ещё немного трубку возле уха, потом осторожно положила её на место.

Глава седьмая

ПОЕЗДКА С ПЕРЕСАДКАМИ

А двадцать второй трамвай всё вёз и вёз нашу Таню по Москве.

Она давно так далеко не забиралась. Всё, что ей

нужно, всё есть там, на Красной Пресне. Школа — близко, кино — близко, Дом пионеров — близко. Зоопарк, и тот близко.

Таня сидит на передней лавочке, прижала нос к стеклу и смотрит вперёд. Почему трамвай так тихо идёт? Почему то и дело остановки? Крикнуть бы водителю: «Полный ход!» Но на площадке написано: «С вагоновожатым разговаривать воспрещается».

Значит, нельзя!

На передней лавочке очень хорошо сидеть. Всё видно. За полгода улицы изменились. Они стали нарядней и как будто пошире. Везде цветы, яркие ларьки, мороженщицы в белых халатах и шапочках. Милиционеры в белых перчатках поднимают полосатые палочки. Везде горят светофоры, и огоньки в них перескакивают из красного окошка в зелёное. А то вдруг загорится жёлтое окошко, и тогда кажется, будто на улице вырос большой подсолнух.

Кондуктор басистым голосом выкрикивает:

— Никитские ворота!

— Площадь Пушкина!

— Петровские ворота!

Да, Таня далеко забралась! А вдруг она Лёшу не найдёт? Она ведь тогда, пожалуй, потеряется. И денег на обратную дорогу нет.

Тане становилось не по себе, когда она думала об этом.

— Трубная площадь!

Таня всё крепче прижимает нос к стеклу. Ей ка-

жется, что она тоже вагоновожатый. Вот кто-то перебегает дорогу. Скорей звонок — динь-динь-динь, не стой на пути! Вот трамвай подходит к остановке, надо тормозить, вот так! Вот звонок кондуктора, тормоза долой — динь-динь, поехали!..

Хорошо быть вожатым! Катайся целый день по нарядным московским улицам, и все светофоры тебе светят, и все милиционеры встречают тебя взмахом палочек, и все люди на остановках смотрят в твою сторону и радуются твоему приходу.

— Площадь Дзержинского! Точка. Приехали. Дальше не пойдёт, — говорит кондуктор. — А скоро и вовсе здесь ходить не будет.

— Почему?

— Чтобы просторней на улице было. И грохота меньше.

Все вышли из вагона, и Таня тоже вышла. Ох, какая здесь большая площадь Дзержинского! Машины мчатся по кругу, словно ребята на катке. А народ идёт густо, будто все только что вышли из кино. На Красной Пресне тоже много народу, но здесь побольше.

Таня стала смотреть во все стороны. Как найти Лёшу в такой толпе? Конечно, его можно только по лопате узнать.

Народ идёт мимо Тани, все в новых костюмах, потому что воскресенье, но никого с лопатой не видно.

Но вот вдали над головами мелькнула лопата.

И обвязана белой тряпкой. Таня побежала за ней:
— Лёша!

Лопата потерялась, потом опять стала видна. Таня, расталкивая народ, добежала до лопаты:

— Лёша, стой!

Хозяин лопаты обернулся. Это был вовсе не Лёша, а усатый дядя.

— Тебе что, девочка?..

— Ничего... Мне Лёшу...

— А я не Лёша, а Виктор Борисович...

— А почему у вас наша лопата?

— Ваша лопата? Забавно!

Усатый дядя переложил лопату на другое плечо и быстрее зашагал прочь от Тани.

Таня растерялась. Что ж теперь делать? Теперь надо идти обратно на трамвай. Билет у неё ещё остался. Вот он, в кулаке.

И Таня пошла обратно. Вдруг она увидела неподалёку на высоком доме большую букву «М». Это Таня знает, это метро. Они с мамой сколько раз ездили.

Таня вспомнила, как Стасик сказал: «На метро до Киевской». Значит, надо на метро до Киевской.

Таня пошла к букве «М» и вместе со всеми спустилась в подземный дворец. Там везде лампы, колонны, украшения. За перегородкой из серебряных труб стоит тётя в красной фуражке.

— Девочка, — сказала она, — а билетик?

Опять билет! Раньше, когда Таня была малень-

кой, было хорошо. Никто не спрашивал билета. А теперь куда ни пойдёшь — билет!

Таня показала синий трамвайный лоскуток. Тётя взяла его и бросила.

— Этот не годится.

— Тётенька, у меня другого нету.

— Девочка, но ведь ты уже большая. У нас без билета только до пяти лет.

— Что вы, мне уже скоро восемь!

— Я вижу, — сказала тётя. — Отойди в сторончку!

— Тётенька, а вы подумайте, что я маленькая. Мне надо брата догнать, а деньги я забыла. А у меня дома своих восемь рублей тридцать копеек.

— Ну ладно, — улыбнулась тётя в красной фуражке, — я подумаю, будто ты маленькая. Иди!

И Таня прошла мимо серебряной загородки. Потом она подошла к лестнице, скок на бегущую ступеньку, потом скок со ступеньки и пошла по мраморному полу.

А кругом всё так красиво, всё блестит, взад и вперед снуют люди... Таня стоит на платформе и думает: «Неужели здесь раньше стояли койки? И на них лежали мамы с детьми и бабушки? И мы с Лёшей! А наверху была тёмная Москва! Неужели это на самом деле было, как Лёша рассказывал?»

Таня поёжилась. Об этом даже думать и то страшно было. А сейчас здесь так светло, весело, хорошо...

— Отойдите от края!

Подкатил голубой поезд. Двери открылись. Таня шагнула в вагон. Двери закрылись.

— Готов!

Поезд помчался. Как быстро он шёл — быстрее всего на свете!

Таня спросила:

— А на этом метро можно до Киевской?

— Нет, девочка, надо пересадку.

О, это даже лучше. Лишний раз на эскалаторе прокатиться!

Вот и станция. Эта ещё красивей, чем та. Тане очень хочется всё разглядеть, все фигуры, и узорные стены, и картины, но — некогда! Надо скорее догонять Лёшу.

И Таня опять — скок на эскалатор, скок с эскалатора, и вот снова поезд, не голубой, а шоколадный.

Ту-у... — гудит машинист, и длинные светлые вагоны мчатся по подземным коридорам, сворачивая немножко то вправо, то влево. Маленькие фонарики за окном в тоннеле так и мелькают, так и мелькают.

Вдруг что-то словно ударило в глаза. Таня зажмурилась. Потом открыла глаза. В вагоне стало ослепительно светло. Солнце так и хлынуло во все окна! Таня испугалась: как же это метро выскочило наружу?!

Но никто не испугался. Поезд шёл по мосту. Внизу была Москва-река. Солнце купалось в ней. Под мостом проходил белый пароход, над ним полоскался флаг с буквами «М. В.».

Кто-то сказал:

— Канал «Москва — Волга».

Люди на пароходе махали Тане руками, и Таня махала им в ответ.

Но тут поезд снова нырнул в тоннель. В вагоне опять настал вечер. А Таня словно ещё видела освещённую солнцем Москву-реку, белый пароход, флаг с голубыми буквами...

За окнами засверкали огни. Это Киевская. Здесь

Таня никогда ещё не была. Надо нарочно приехать с мамой, чтобы всё рассмотреть: и потолок, и колонны, и стены... Но сейчас надо скорей наверх, к Лёше.

И вот Таня снова на улице. Перед ней просторная площадь и большой дом. Называется: Киевский вокзал. На нём часы. На них уже девять.

Здесь было много людей с лопатами. Некоторые лопаты были обмотаны цветными тряпками; за теми Таня не бежала. А только за белыми. И всё-таки Лёши не было.

Но ведь Стасик ясно сказал: «На метро до Киевского». А потом он сказал: «На автобусе до Шумилова».

Теперь остается одно: ехать на автобусе до Шумилова. Там-то уж Лёша наверняка найдётся.

Таня спросила у милиционера:

— Где автобус до Шумилова?

Она боялась: а вдруг он скажет, что никакого Шумилова нет, и, значит, она не поняла Стасика! Но милиционер сказал:

— А вон там, на уголочке! — и даже руку к козырьку приложил.

Таня побежала через площадь к остановке. Народ садился в большой темнозелёный автобус. Толстая тётя-кондуктор высунулась в автобусное окно и торопила:

— побыстрей посадка, побыстрей!

Таня подняла голову и спросила:

— Сколько стоит до Шумилова?

— Три рубля, девочка. побыстрей, граждане. Отправляю. Машина переполнена.

Три рубля! Таня задумалась. Ох, как много! Где взять столько денег? А дома, в копилке, восемь рублей тридцать копеек!

Тем временем автобус гуднул, выпустил голубой дым и укатил.

Таня долго смотрела ему вслед. Он быстро шёл по улице, чуть подавшись набок; вот он стал совсем маленький.

Таня вздохнула. Скоро он будет в Шумилове. А она всё ещё стоит здесь. Нет, стоять нельзя, а то они там всё выроят без неё. Надо итти туда, куда пошёл автобус. Теперь уже недалеко.

И Таня зашагала в Шумилово вслед за большим темнозелёным автобусом.

Глава восьмая

ИСКАТЬ, ТАК ВМЕСТЕ

Теперь надо немного рассказать про маму. Она разговаривала с Москвой из кабинета санаторного врача. Когда бабушка там, на Красной Пресне, положила трубку, мама здесь, в «Зелёном шуме», тоже положила трубку.

Неподалёку, за столом, сидел врач. Он спросил:

— Что случилось, Лидия Мироновна? Чем вы расстроены? Да вы сядьте!

— Нет, нет, доктор, — ответила мама, — надо итти...

— Куда итти?

— Сама ещё не знаю куда...

Врач с удивлением посмотрел на маму:

— Лидия Мионовна, что случилось?

— Случилось вот что, доктор: моя дочка ушла из дому.

— Как ушла? Куда?

— Не знаю, доктор. Ничего не знаю. Знаю только то, что мне сейчас бабушка сообщила. Сын уехал, а дочка пустилась за ним.

Доктор встал и чуть ли не насильно усадил маму на чёрный клеёнчатый диван:

— Минуточку, Лидия Мионовна... Давайте выясним: сколько вашей беглянке лет?

— В августе исполнится восемь.

Доктор постучал пальцами по холодному толстому стеклу, которое лежало на столе:

— Восемь лет — это, знаете, вполне самостоятельный возраст. Восемь лет — это, я сказал бы, уже гражданка. Теперь второе: известно ли, куда эта гражданка направилась?

— За братом, доктор.

— Да, но куда, собственно, он-то собрался?

— Если только я верно поняла... слышимость неважная... в Шумилово, что ли.

— Куда? — Врач даже приподнялся со своего стула. — В Шумилово?

— Шумилово... или, может быть, Шутилово...

— Позвольте! — вскочил доктор. — Шумилово — да ведь это тут, рядом! Туда наши больные на прогулку ходят! Впрочем, ведь вы у нас недавно, не знаете. Отлично! Мой вам совет: позавтракайте и не торопясь прогуляйтесь в Шумилово. И, ручаюсь, вы там свою беглянку найдёте. Восемь лет — это вполне зрелый возраст, да!..

Мама поднялась:

— Попрошу вас объяснить мне дорогу, и я пойду.

Доктор рассказал, как итти, потом отвернул полу белого халата, достал серебряные часы, посмотрел:

— Через пять минут завтрак. Всё же лучше вам сначала поесть.

— Нет, доктор, простите, но я сейчас пойду!

Доктор щёлкнул серебряной крышечкой:

— Да... материнское сердце... Прошу помнить, оно у вас нуждается в покое. Так что вы не спеша, не спеша. — Он спрятал часы в карман. — Интересно, что же всё-таки привлекло вашего сына именно в Шумилово?

— Он ведь пионер... Увлекается страшно археологией. Они всем отрядом поехали туда на какие-то раскопки.

— А, — сказал доктор, — пионеры, это да... это дотошный народ. Всё им надо знать, всё видеть... До всего докопаются. Ну-с, желаю успеха. Только помните, не спеша!

— Спасибо, доктор!

Мама вышла из кабинета и по лесной тропинке направилась в Шумилово.

Утро очень хорошее. В лесу звонкими голосами поют птицы. Ёлки протягивают маме пушистые ветки, похожие на трёхпалые лапки. Концы этих лапок украшены новыми, яркозелёными мягкими иголочками. Мама шагает быстро, гораздо быстрее, чем ей полагается. Иногда она останавливается, отдыхает и опять принимается шагать.

Мама шла быстро. Ей хотелось поскорей увидеть Таню. И вот лес кончился. Сразу стало светло. На лугу паслось стадо. Старик-пастух в валенках с оранжевыми самодельными калошами лениво помахивал длинным кнутом. Вдали синела речка. На том берегу видна была деревня. Все дома новые. Некоторые ещё не совсем достроены.

— Это Шумилово? — спросила мама у пастуха. Старик поднял голову:

— Ась?

— Это Шумилово, дедушка? — крикнула мама.

— Она самая. — Старик показал кнутом: — Вон туда ступай, низом, на мосточек.

Через речку был перекинут узенький, в две доски, мостик. Мама перешла по новым, ещё не затоптаным доскам на ту сторону и поднялась на крутой берег. Наверху она остановилась и приложила руку к груди. Под рукой отчаянно билось сердце. Мама, тяжело дыша, стала оглядываться.

Справа тянулась деревня. Вдоль всего порядка лежали жёлтые стружки, смолистые щепки, брёвна. Слева белели берёзовые пеньки. Земля была во многих местах изрыта воронками от бомб, окопами, ходами сообщения. Всё это заросло травой. Вдали стояла одна уцелевшая старая берёза с печально опущенными ветвями. Мама подошла поближе к берёзе. Под берёзой толпились ребята. Видно было, что одни из них приезжие, а другие здешние, шумиловские. Ребята о чём-то горячо спорили. Мама слышала выкрики:

— Не дадим копать!

— Ничего здесь нет!

— Вам кажется, что нет, а мы знаем, что есть!

— Мы тут цветы посадим!

— Подумаешь, цветы! Как будто вам места мало!

А в сторонке, на пеньке, спокойно сидел человек в серой помятой шляпе, курил трубку и, улыбаясь, поглядывал на спорщиков.

Мама подошла к нему. Он встал, снял шляпу:

— Вы кого-нибудь ищете?

— Я ищу Таню... Таню Зотову. И Алексея Зотова...

— Таню Зотову? Нет, такой не знаю. А Лёшу Зотова мы вам сейчас добудем.

Он зычным голосом позвал:

— Алёша!

Из-за берёзы тотчас же показался Лёша. Он приложил руку ко лбу и с минуту смотрел на маму, словно не узнавал её. Потом закричал «Мама!» и опрометью бросился к ней:

— Мама! Откуда? Почему ты здесь, мама? Вот это да! Вдруг — мама! Алексей Кузьмич, это моя мама!

— Очень рад! — Алексей Кузьмич поклонился: — Я преподаю историю в школе, где учится ваш сын. Один из моих лучших учеников, надо сказать.

Мама подала руку Алексею Кузьмичу. Ей приятно было слышать похвалу сыну. А ещё приятней, пожалуй, ей было просто видеть его. Всё-таки за три дня она немного соскучилась по нему. А какой у него воинственный вид: ковбойка на груди расстёгнута, на плече, как винтовка, — заступ, на боку — фляжка...

— Мама, — повторил Лёша, — почему ты здесь? Ведь ты в санатории? Ничего не понимаю!

— Лёша, — сказала мама, — об этом потом. А сейчас одно: Таня здесь?

— Таня? — переспросил Лёша. — Откуда же? Нету! А что? Мама, что случилось?

Мама снова приложила руку к груди и медленно опустилась на пенёк:

— Случилось то, что её дома нет!

— Как нет? Где же она? Когда я уходил, она спала.

— Спала, — сказала мама, — а потом встала и пошла за тобой.

Лёша растерянно смотрел на маму. Он действительно ничего не понимал.

— Но откуда ты это знаешь, мама? Разве ты была в Москве?

— Нет, Лёша. Но я разговаривала с Москвой по телефону. Теперь вот что. Теперь надо Таню искать. Слышишь? Давай соображать, что делать.

Лёша сдвинул брови, засунул руки в карманы и зашагал по траве взад и вперёд, как по комнате.

— Мама, вот что, — сказал он, — я думаю так: ты тут посиди в тени, отдохни, а я махну на шоссе, к автобусу. Буду там ждать, у остановки. А не дождусь, поеду в Москву. Правильно?

Мама спросила:

— А раскопки твои как же?

Лёша оглянулся на ребят, которые всё ещё были заняты спором, вздохнул, поправил на себе фляжку и сказал:

— Как-нибудь без меня раскопают. Обидно, конечно. Всю зиму о них мечтал, готовился...

Маме стало его жалко. Она сказала:

— Нет, Лёша, оставайся. Я одна пойду.

Но Лёша наотрез отказался:

— Нет, мама! Искать, так вместе. — Он обернулся к Алексею Кузьмичу: — Алексей Кузьмич... вот... мой заступ... может, кому пригодится. Вот

тут вода... полная фляжка... Возьмите. — Он снял фляжку и положил её на траву. — А я, Алексей Кузьмич, пойду сестрёнку искать. Сестра у меня пропала...

— Погоди, — сказал Алексей Кузьмич и крикнул: — Товарищи! Внимание!

Сразу стало тихо. Все замолчали — и шумиловские и московские.

— Товарищи, у Лёши Зотова потерялась сестрёнка. Есть предположение, что она пробирается сюда. Она маленькая и может в лесу заблудиться. Предлагаю выделить несколько человек в помощь. Кто желающий?

— Я! Я! Я! — раздалось много голосов.

Шумиловские ребята закричали:

— Мы пойдём! Мы тут все ходы-выходы знаем!

— Отлично, — сказал Алексей Кузьмич. — Пойдут Стасик, Женя Малов, ну и вот вас, шумиловских, двое. Как вас зовут? Миша и Никита? Отлично, Миша и Никита. Вот тебе, Лёша, боевая четвёрка.

Лёша сказал:

— Мама, видишь, нас много. Побудь здесь, отдохни!

— Нет, нет, — сказала мама, — я с вами. Искать, так вместе.

И Миша с Никитой повели маму, Лёшу, Стасика и Женю Малова по просёлочной дороге на Можайское шоссе, к автобусной остановке.

ЗОЛУШКА

Таня шагает по Можайскому шоссе. Одна коса у неё расплелась — ленту она где-то потеряла. Но это ничего! Итти можно. Вот если бы только солнце поменьше пекло да если бы где-нибудь водички холоднойенькой напиться...

Таня смотрит по сторонам. Вдоль шоссе тянутся многоэтажные красивые дома. Сразу видно, что новые. И не хуже, чем на Красной Пресне, а то, может, и получше.

Прошло, наверное, с час, а Шумилова всё не видеть. Ноги у Тани начали уставать. Но отдыхать некогда. А то они там весь клад без неё выроют!

А бабушка, наверно, сейчас сидит дома, пьёт кофе, макает в него коричневый, поджаристый сухарик. И сухарик становится мягкий-мягкий и кусочками отваливается и шлёпается в кофе.

Вот бы сейчас проглотить такой кусочек!

Нет, бабушка сейчас, скорее всего, не пьёт кофе. Она, наверное, скорее всего сидит и думает: где-то наша Танюша теперь?

В тапочку откуда-то попал маленький камушек. Острый, и больно ступать.

Таня остановилась, сняла тапочку и начала её вытряхивать. Сзади загудело: ту-ту!

Таня оглянулась. По шоссе мчалась легковая ма-

шина. Таня запрыгала на одной ноге, чтобы пропустить машину. И вдруг уронила тапочку.

— Ой!

Таня кинулась обратно за тапочкой. Но тут...

Но тут надо сначала описать машину. Это был длинный чёрный, обутый в белые нарядные шины «ЗИС-110». Это самая лучшая, самая красивая машина. В ней сидело двое военных. Один постарше, седой, а другой помоложе.

Таня в ту минуту, конечно, ничего этого не видела. Она бросилась выручать тапочку, но не успела. Правое колесо наехало на бедную тапочку, и она осталась лежать на асфальте плоская, как досочка.

Машина остановилась. Один из военных высунулся в открытое окно:

— Девочка, ну как, жива твоя туфля?

Таня подобрала тапочку, расправила её и подошла к машине. В лакированной дверце отражались шоссе, дома, небо и сама Таня, как она стоит — одна нога босая, волосы растрёпаны.

— Жива, — сказала Таня. — Вы её раздавили, но она не раздавилась.

Седой военный спросил:

— А между прочим, любопытно: куда ты это шествуешь одна по шоссе, да ещё туфли свои подбрасываешь добрым людям под колёса?

Таня спрятала тапочку за спину и сказала:

— Я не шествую. Я иду в Шумилово.

— Куда? — переспросил другой военный и переглянулся с тем, который был постарше. — Как вам нравится, товарищ генерал? Она шествует в Шумилово!

Таня стала во все глаза смотреть на седого военного. Неужели это настоящий генерал? Таня очень любила генералов, но никогда ещё с ними не разговаривала. Генерал строго спросил:

— Ты что же, вроде Золушки, выходит? Туфельки свои теряешь!

— Это не туфелька, — сказала Таня, — это просто тапочка!

— А ты знаешь, Золушка, сколько до Шумилова?

— Не знаю. Знаю, что там! — И Таня показала тапочкой вдаль.

— «Там»! — передразнил генерал. — До этого «там» добрых сорок километров.

Вдруг он открыл лакированную дверцу:

— А ну садись! Некогда нам тут со всякими Золушками время терять!

Таня не знала, садиться ей или не садиться. Конечно, ей очень хотелось прокатиться на «ЗИС-110», да ещё рядом с генералом. Шутка ли сказать — потом все девчонки на дворе будут завидовать! И все мальчишки. И даже сам Лёша, и тот будет завидовать.

Всё-таки она не решалась. Вдруг генералы повезут её обратно в Москву — теперь, когда она уже и

на трамвае всё проехала, и на метро всё проехала, и почти что добралась до самого Шумилова!

— Садись, садись! — сказал генерал. — Нам по пути, подбросим.

— Как это — подбросите? — Таня засмеялась.

— А вот увидишь! Садись!

И Таня решилась. Она ступила босой ногой на тёплую шершавую ступеньку и очутилась на мягком сиденье рядом с генералом.

— Поехали, Сергей, — сказал генерал.

И машина быстро и неслышно понеслась по шоссе. И сразу же все дома, и столбы, и деревья — всё,

что только что стояло на месте, всё это быстро-быстро поехало обратно, в Москву.

— Садись, Золушка, поудобнее, не бойся. Ехать ещё долго. Вот так. А к кому ты пробираешься в Шумилово, интересно? Если только это не военная тайна.

Тане очень приятно было сидеть, вытянув усталые ноги, на мягком сиденье и мнаться с такой невероятной быстротой. Она натянула раздавленную тапочку на ногу и сказала:

— Я брата догоняю. Он поехал клад копать. А меня не взял. А я тоже хочу. Потому что я ещё ни одного кладика не выкопала.

— Я тоже, — сказал генерал. — А что же это за клад, интересно?

— А я и сама не знаю. А вы видели когда-нибудь клады?

— Нет.

— И я не видела.

— А как же это папа с мамой тебя одну отпустили?

— А папы у нас нет. Он погиб на войне. Он, знаете, обещался написать письмо, да так и не написал. На войне знаете как? Там всё некогда, не до писем...

— Да, — усмехнулся генерал и погладил Таню по голове. — На войне действительно не всегда есть время для этого. Между прочим, товарищ полковник, — и генерал обернулся к другому военному, —

это самое Шумилово, куда шествует наша Золушка, весьма памятное для меня место. Я там оборону держал в сорок первом. Тяжело было. За спиной она, наша матушка белокаменная, — генерал кивнул головой в сторону заднего окошка, — отступить некуда. А немец рвётся остервенело. Танковые атаки одна за одной. Однако отогнали немца. Дальше Шумилова не пустили.

Таня спросила:

— Товарищ генерал, а вот вы были на войне, да?

— Приходилось, Золушка, — ответил генерал.

— А может быть... Вам мой папа там не попался?

— А как его фамилия?

— Зотов, Андрей Васильевич.

— Зотов, Зотов, Зотов... — Генерал задумался, пошевелил пальцами: — Дай бог памяти... — Он снял фуражку, потёр высокий лоб. — Нет, Золушка, Золотницкий... был у нас такой лейтенант. Но Зотова не припомню.

— Жалко, — сказала Таня. — Знаете, я его тоже не помню. А мама говорит, что когда я стану старше, я его вспомню. Правда?

— Конечно! Обязательно! — сказал генерал и снова погладил Таню по голове.

А Таня стала осматривать машину. Ведь это не просто машина, а «ЗИС», и не просто «ЗИС», а «ЗИС-110».

Таня на трамваях каталась, на метро, на автобусе и даже на двухэтажном троллейбусе каталась, два раза в Зоопарке на осликах прокатилась, но на «ЗИС-110» она ещё ни разу не каталась!

В открытое окошко задувал ветерок и трепал Таню за волосы.

— Где же твоя лента, Золушка?

Таня тряхнула головой:

— У меня, знаете, такие косы, что ни одна лента не держится... А скоро Шумилово?

— Вот как будет столбик со стрелой, там мы тебя и... сбросим.

Таня внимательно смотрела вперёд, на блестящий, укатанный асфальт, который тянулся далеко, до самого неба. Всё время мелькали столбики, но, наверно, это были не те, не шумиловские, потому что генерал не приказывал водителю остановиться. Высокие дома давно кончились. По обеим сторонам шоссе теперь зеленел лес. Потом потянулось огромное поле. Потом был аэродром и настоящие самолеты. Их было очень хорошо видно. Потом опять начался лес. А ветерок всё время дул Тане в ухо, словно что-то ей говорил.

Вдруг Таня привсталала.

— Что? — спросил генерал.

Таня не отрываясь смотрела вперёд.

— Вон, видите там, у столбика, там тётенька в белом, очень похожая на мою маму...

Генерал прищурился:

-- На таком расстоянии мудрено что-нибудь разобрать.

— Нет, похожая, я чувствую.

Машина быстро шла, и скоро стало видно, что впереди, у автобусной остановки, дожидаются несколько мальчиков и высокая женщина в белом платье. Вдруг Таня запрыгала:

— Это мама! И это Лёша! И это мама! И это Лёша!—Она высунулась в окно и стала изо всех сил махать рукой и кричать: — Мама! Лёша! Мама! Лёша!

— Какая ты звонкая! — сказал генерал. — Ну, сейчас тебе достанется, если это мама.

Машина остановилась. Высокая, немного седая женщина кинулась к машине.

— Мама? — спросил генерал у Тани.

— Конечно, мама! — закричала Таня и стала дёргать ручку дверцы.

— Однако, тебя встречают с почётом!

Генерал нажал кнопку, дверца открылась. Таня прыгнула к маме и повисла у неё на шее. А Лёша, и Стасик, и Женя, и Миша, и Никита стояли навывтяжку, как на параде, и только таращили глаза то на Таню, то на генерала.

— Едем, видим — шествует по шоссе этакая путешественница и туфли свои по асфальту разбрасывает, — сказал генерал. — На́ вот тебе, Золушка, держи! — он подал Тане голубую ленту, которую подобрал на сиденье.

— Большое, большущее вам спасибо! — повторяла мама, обнимая Таню.

Таня крикнула:

— Спасибо, товарищ генерал! У вас очень хорошая машина. И вы тоже очень хороший.

А Лёша отчеканил, точно сдал рапорт:

— Спасибо, товарищ генерал!

— Не стоит. До свиданья, Золушка! Желаю тебе найти большой, настоящий клад. Поехали, Сергей!

И длинный чёрный, обутый в белые шины «ЗИС-110» помчался по шоссе. А Таня, и Лёша, и мама, и Женя, и Миша, и Никита зашагали по просёлочной дороге. Таня долго ещё оглядывалась на полосатый столбик со стрелой и надписью: «В Шумилово. От Москвы сорок пять километров».

Глава десятая

МАЛЫЙ ПРИВАЛ

Мама не знала, радоваться ей или сердиться на Таню. Всё-таки она больше радовалась. Она с удовольствием прислушивалась к звонкому Таниному голосу. А Таня держала одной рукой маму за руку, другой — Лёшу и говорила, говорила без конца.

— А ты, Лёша, как не стыдно, ушёл без меня! А я всё равно доехала. И на трамвае, и на метро, и

пешком ехала. У меня ни копейки не было. А машина на мою тапочку — раз! Только ей ничего не сделалось. А генерал правда добрый?..

Она тараторила безумолку. А Стасик, и Женя, и Миша с Никитой шли сзади, чтобы не мешать разговору матери с детьми.

Потом мама обернулась к ним:

— А кто из вас, ребята, знает, где тут санаторий?

Миша с Никитой в один голос сказали:

— Да вон там, на горке. Мимо пройдем.

— Вот и отлично, — сказала мама. — Сейчас мы с тобой, Татьяна, зайдём ко мне, причешемся, умоемся, поедим...

— А Лёша? — спросила Таня.

— И Лёша пойдёт.

— Нет, мама, — сказал Лёша, — мне надо в деревню. Там Алексей Кузьмич ждёт. И все. Неудобно.

— Мамочка, можно и я с ним? — взмолилась Таня. — А потом приду. Он меня проводит. Ладно, мамочка?

Мама посмотрела на Танино раскрасневшееся лицо, на её блестящие глаза, распустившиеся косички и сказала:

— Вид у тебя!.. Ну, ладно! Иди уж. Только ты, Лёша, следи за ней в оба!

— Теперь я уж сама за ним буду следить! — сказала Таня.

Дорога привела их к высоким решетчатым воротам с вывеской:

САНАТОРИЙ «ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ».

За калиткой, в будочке, сидел сторож. Он высунулся из будки:

— Поттише, граждане, здесь санаторий всё-таки!

— Ладно, Никанор Васильевич. — Мама остановилась у калитки. — До свиданья, друзья. Так ты, Лёша, приведи Таню. Дорогу найдёте?

— Найдём. Дорога простая.

И мама пошла к себе в санаторий, а Таня с ребятами пошла в деревню.

Стасик сказал:

— Всё-таки добилась своего, боярышня. Прикажила!

— Добилась, боярышник, — ответила Таня.

А Лёша сказал:

— Я тебе говорил, от неё не отвяжешься. Её даже, видишь, генералы и то боятся.

Они быстро дошли до деревни. Там всё ещё продолжался спор:

— Не дадим копать!

— Нет, дадите!

— Нет, не дадим!

Алексей Кузьмич сидел на пеньке, курил трубку и пускал дым колечками. Потом он встал, выколотил трубку:

— Точка. Довольно шуметь. Зовите председателя, раз вы нас так встречаете.

Лёша подбежал к нему:

— Алексей Кузьмич, сестрёнка нашлась!

— Ну-ка, ну-ка, покажи нам её. Ого, да это большая девочка! Она нам помогать будет. Будешь помогать?

— А как же! — ответила Таня. — Я для того и приехала. Я на «зисе сто десять» приехала!

Тут к берёзе подошёл председатель колхоза. Это была женщина в розовой кофточке и чёрной юбке. Она протянула руку Алексею Кузьмичу:

— Здравствуйте, дорогие гости! С чем к нам пожаловали?

Алексей Кузьмич вежливо приподнял шляпу:

— Мы приехали из Москвы для научной работы. Но ваша молодёжь, так сказать, встречает нас не очень-то приветливо.

— Как так? Что ж не поладили? Мы научных людей уважаем. Только больно они у вас молоденькие, — и председательница показала загорелой рукой на Лёшу, Таню, Стасика, Женю и прочих пионеров, стоявших под берёзой. — А в чём ваша работа будет?

— Объясню, — сказал Алексей Кузьмич и махнул шляпой: — Ну-ка, народы, расступись!

Ребята отошли немножко, и Таня увидела под берёзой два небольших круглых холмика. Оба они поросли травкой и одуванчиками. Неужели в одном

из них зарыт клад?! И Тане снова представился тяжёлый зелёный сундук, окованный по углам медью. Сейчас они выкоют его, откроют, а там внутри чего только нет! А чего именно, Таня и сама не знала. Это-то и было самое интересное.

Алексей Кузьмич поднялся на один из холмиков, словно на трибуну, и сказал:

— Перед нами, товарищи, под этой берёзкой, два памятника глубокой древности.

— Это кургашки-то? — удивилась председательница колхоза и так посмотрела на холмики, словно увидела их в первый раз. — А мы на них, извините, коров пасём.

— Напрасно, — сказал Алексей Кузьмич. — Это древние захоронения. Сейчас мы их раскопаем. Кое-что там найдём. И находки эти расскажут нам о жизни наших предков. Разве это не интересно? Ведь это целая наука, называется «археология»...

Таня вдруг вспомнила длинное слово, которое было напечатано на Лёшиной книге, и крикнула:

— Интересно!

Алексей Кузьмич улыбнулся:

— Вот видите. Вы нам помогать должны, а вы нас чуть ли не в штыки встречаете.

Ребята зашумели. Председательница сказала:

— Сейчас разберёмся... Да разве мы против?..

Только вы не взыщите, гражданин... А документ у вас есть на такое дело?

— А как же!

Алексей Кузьмич достал из кармана сложенный лист бумаги. Председательница развернула его, с уважением посмотрела на подписи и печати и стала вслух читать:

— «Академия наук СССР. Открытый лист. Разрешается производить археологические обследования и раскопки...» — Она бережно сложила толстую хрустящую бумагу и вернула её Алексею Кузьмичу: — Пожалуйста! Приступайте! А ну, ребята, все от курганов! Не мешай!

Она обернулась к Алексею Кузьмичу:

— А вы, гражданин, не ошибаетесь насчёт древности? Может, это окопы там или что... от сорок первого года?

— Я, — сказал Алексей Кузьмич, — работаю при Академии наук. Кроме того, преподаю в школе. Можно сказать — специалист. Так что вы уж не сомневайтесь.

Он крикнул:

— Итак, друзья, отдохнём, подзакусим — и за работу. Объявляю малый привал!

И сошёл с кургана.

Все зашумели:

— Малый привал! Малый привал!

И все расположились вокруг курганов под старой берёзой. Лёша и Таня тоже уселись под её печально опущенными ветвями, достали из мешка хлеб, яйца, колбасу и стали закусывать, как настоящие опытные археологи...

А ЭТО КАКОГО ВЕКА?

Таня поела, «подзаправилась», как выразился Лёша, и запила водой прямо из фляжки. Вода отдавала железом и была удивительно вкусной. Таня всю бы фляжку выпила, но Лёша не дал:

— Хватит! Много пить в походе нельзя!

— А разве мы в походе?

— Конечно!

Это Тане понравилось. Она свернулась клубком, положила голову на курган и стала смотреть на Лёшу, который сидел рядом. И вдруг ей стало казаться, что это не Лёша, а кондуктор с седыми усами. Потом он превратился в старика с удочкой, потом в Виктора Борисовича с лопатой, потом в генерала. Кругом вспыхнули джостры, промелькнула Москва-река, выросли колонны, и Таня снова очутилась в «ЗИС-110». Только теперь она уже сама ведёт машину, и всё по туфелькам, по тапочкам...

Таня спит. А старая берёза шелестит над ней молодыми листочками, длинные поникшие ветки чуть покачиваются, словно убаюкивают: «Спи, Таня, спи!»

Вдруг над речкой, над полями раздалось звонкое:
Дин-дон! Дин-дон!

Таня открыла глаза, оглянулась. Это Алексей Кузьмич стучит палкой по заступу:

— Дин-дон, кончай привал! За работу, друзья, за работу!

Он снял пиджак, засучил рукава. Руки у него сильные, вот с такими мускулами! А какой звонкий заступ! Таня даже не знала, что бывают такие.

— Спи, Таня, — сказал Лёша. — Спи, отдыхай!

— Нет, — вскочила Таня, — больше не обманешь!

Все выстроились вокруг курганов. А шумиловские ребята стояли в сторонке и перешёптывались.

Никогда они об этих курганах и не думали. Сидели на них, коров пасли. Мало ли что — бугры и бугры. А тут вот что оказывается: «научные памятники». А что, если их разроют, а там ничего нет!

— Итак, — сказал Алексей Кузьмич, — приступаем. Разобьёмся на две бригады — по числу курганов. Одна, скажем, Стасика, другая — Лёши Зотова... Есть?

— Есть! — крикнули ребята.

— А теперь надо первым делом оба кургана измерить, зарисовать и нанести на план под номерами: К № 1 и К № 2.

Ребята взялись за работу. Стасик маленьким фотоаппаратом снял свой К № 1 и Лёшин К № 2. Таня спросила:

— Алексей Кузьмич, а я что буду делать?

— Ты? Ну, ты, конечно, будешь в бригаде брата. Работы хватит всем. — Он вынул из кармана круглый футляр, из которого вытягивалась длинная белая лента с чёрточками. — Вот, кстати, Таня, держи

конец, будем измерять. А вы записывайте: К № 1 — высота метр сорок... К № 2 — высота метр тридцать...

Таня крепко держала конец ленты и гордо поглядывала на Лёшу: а он ещё брать её не хотел! Потом она подошла к нему:

— Лёша, имей в виду, мне тоже надо лопату. Отдельную!

— А где же я тебе возьму? — сказал Лёша. — Подожди, я поработаю, дам тебе.

Но тут один из шумиловских, маленький мальчик в огромной зелёной фуражке, крикнул:

— погоди!

Он побежал к себе в деревню, в одну из новеньких изб, сверкавших на солнце жёлтыми бревенчатыми стенами. и через минуту вернулся с железным заступом:

— На вот, держи!

— Ого какой! Спасибо.

Заступ был очень тяжёлый, ростом гораздо больше Тани.

— Лёша, давай меняться!

— Ох, и зачем только ты приехала! — вздохнул Лёша. — Ладно уж, давай. Да потише, слушай объяснения.

— Теперь, — продолжал Алексей Кузьмич, — нам надо с половины каждого кургана снять травяной покров, или, проще говоря, дёрн. Ну-с, начали!

Стасик со своего кургана крикнул:

— Вызываю К № 2 на соревнование!

— Принимаем! — крикнула Таня.

Заступы ударили по земле. Трава крепко цеплялась корнями за родную почву и никак не хотела с ней разлучаться. Лёша работал на вершине кургана. А Таня — у подножия. Она старалась изо всех сил. Она то долбила заступом, будто ломом, то ударяла по траве, словно топором. Лёша крикнул:

— Брось, Таня, без тебя управимся!

— Не управитесь!

Ей сразу стало жарко. Пот заливал лицо. Волосы то и дело падали на лоб и прилипали к нему. Но Таня не сдавалась. И только тогда, когда весь дёрн с К № 2 был снят, Таня, как заправский землекоп, воткнула тяжёлый заступ в землю и повалилась на траву.

Лёша стоял на кургане. Ковбойка на нём была вся мокрая, лицо красное. Он спросил:

— Что, Танюша, устала?

— Ничего, только руки натёрла.

— Покажи! — Он прыгнул к ней. — Постой, да ведь это мозоль! Хватит, а то хуже натрёшь.

Таня подула на руку:

— Ничего. Давай дальше копать.

Ей не терпелось поскорей добыть заветный клад.

— Давай, Лёша! Я уже отдохнула.

Копать было легче. Земля была мягкая, послушная, не то что дёрн. Конечно, Лёша копал гораздо

быстрее, чем Таня. Он стоял на вершине кургана, с силой налегая ногой на заступ, глубоко вталкивал его и легко откидывал землю. Земля немного пахла грибами.

Лёша уже много выкопал. Он сначала откидывал жёлтую землю, потом пошла земля чёрная, потом красноватая. А Таня всё возилась у подножия. Она выкопала самую чуточку.

Вдруг Лёша закричал не своим голосом:

— Стой! Нашёл! Алексей Кузьмич! Нашёл!

Он присел на корточки и начал разгребать красноватую землю руками. Все побежали на К № 2. Таня кинулась к Лёше:

— Где, Лёшенька, где?

— Отойди, Таня, не мешай!

Алексей Кузьмич пригнулся к земле рядом с Лёшей. Таня с нетерпением смотрела на них. Неужели Лёша увидел уголок зелёного сундука? Сейчас они его вытащат! Но ведь им вдвоём не осилить тяжёлый сундук. Надо взяться всем. А Лёша, как нарочно, не пускает!

Наконец Лёша выпрямился. В руках у него... ничего нет. Нет, что-то есть! Что же это? Может быть, на сундуке висел замок и Лёша снял его? Таня пригляделась: нет, это не замок. Это всего-навсего черепок! Обыкновенный грязный черепок! Таких сколько угодно можно найти на каждом дворе. Этим черепком только в классы играют. Да и то можно покрасивей стекляшку подобрать. Стоило ради этого

несчастливого черепка уходить из дому, догонять Лёшу, ехать без билета, волноваться! Сейчас Алексей Кузьмич бросит черепок и посмеётся над Лёшей. И все ребята посмеются.

Но Алексей Кузьмич взял черепок, почистил его щёткой, полюбовался на него и сказал:

— Молодец, Зотов! Поздравляю с первой археологической находкой. Прекрасный образец гончарного искусства двенадцатого века. Обломок глиняного умывальника. Он пролежал в земле ни много, ни мало восемьсот лет...

Восемьсот лет! Лёша вытирал грязным кулаком лоб и гордо улыбался. Стасик с завистью крикнул:

— Не дрейфь, ребята! Мы сейчас тоже что-нибудь найдём! Пошли!

И на К № 1 снова дружно заработали лопаты. Земля так и полетела веером. А Таня растерянно смотрела на черепок.

— Лёша... неужели это весь клад?

— Почему весь? Мы, Танька, ещё что-нибудь ценное найдём.

— Подумаешь, ценность! Черепки!

— Вот тебе и черепки. А может, ещё и украшения найдётся.

И Лёша, счастливо улыбаясь, завернул находку в бумагу и снова взялся за лопату.

А Тане сразу расхотелось копать. Ей захотелось к маме, в санаторий. Там можно отдохнуть, умыться.

Черепки — это неинтересно. Вот если бы настоящий клад, тогда другое дело!

Лёша оглянулся:

— Что, устала?

— Я к маме пойду.

Она воткнула заступ в землю. Но тут на Таню посмотрел Алексей Кузьмич:

— Как дела, Таня?

— Ничего!

Ей стало неловко. Она сказала, что приехала помогать, а сама не помогает. Таня взяла заступ и снова стала ковырять землю. Она выкопала чуть-чуть, у самой поверхности. Конечно, она не может, как Лёша. Всё-таки он мужчина, и старше, и сильнее, и заступ ему по руке.

Натёртые руки саднили. Спину заломило. Но Таня всё-таки копала, потому что раз обещала, надо сделать.

Вдруг — чу! — что-то звякнуло под заступом. Таня бросила его, нагнулась и тоже, как Лёша, принялась нетерпеливо разгребать землю руками. Ага, постойте, что-то есть! Что-то лучшее, чем черепок! Что-то железное! Оказывается, на самом деле очень интересно находить в земле всякие старинные вещи. Таня разглядывала находку. Это была плоская железная коробка. Таня обрадовалась. Правда, это не сундук, не ящик, а всё-таки это гораздо больше похоже на клад, чем черепок.

Коробка была вся красная от ржавчины. Таня

очистила её от налипшей земли. На крышке стали видны выдавленные буквы:

«КОНФЕТЫ ДРАЖЕ МОССЕЛЬПРОМ».

Таня поднесла коробку к уху и встряхнула её. Внутри что-то слабо звякнуло. Значит, там что-то есть!

Таня закричала:

— Алексей Кузьмич, Лёша! Смотрите, я нашла клад! Алексей Кузьмич, а какого это века?

— Дай-ка!

Алексей Кузьмич взял двумя пальцами плоскую железную коробку, посмотрел на неё, улыбнулся:

— Это никакого не века, Таня, это двадцатого века. Кто-нибудь обронил несколько лет назад. Видишь, ржавая какая?

Лёша мельком взглянул на Танин «клад»:

— Ай да клад! Ай да Таня! Каждый находит то, что ищет.

— Таня, угости! — крикнул Стасик.

Женя Малов сказал:

— Нет, ребята, это надо в Исторический музей и подписать: «Нашла Таня Зотова».

Все засмеялись.

— А всё-таки это лучше, чем черепки! — крикнула Таня. — Давай, Лёша, откроем!

— Потом, — ответил Лёша, — вот кончим курган, тогда...

Но Тане не терпелось поскорей открыть плоскую

коробку. А вдруг там на самом деле какой-нибудь клад? Таня стала открывать коробку, но только все пальцы перемазала в ржавчине. Крышка прилегала очень плотно и не подавалась.

— Лёша, ну открой! — стала просить Таня. — Потом опять будешь копать.

— Некогда сейчас.

— Тогда я к маме пойду!

— Не ходи одна! Скоро кончу, вместе пойдём.

— Нет, пойду! Я дорогу знаю.

И Таня пошла в санаторий. А Лёша остался на кургане и всё копал, всё откидывал, лопата за лопатой, красноватую, пахнущую грибами землю.

Глава двенадцатая

МЕРТВЫЙ ЧАС

Таня спустилась к мостику, перешла на тот берег и пошла лугом. Усталые ноги словно просили Таню: «Давай посидим, давай посидим!» Но Таня не останавливалась. То и дело она встряхивала коробкой. Она хотела угадать по звуку, что там внутри. Но угадать никак нельзя было.

Таня подобрала на дороге прутик и попробовала прутиком открыть коробку. Но ничего не вышло: прутик сломался — и всё.

На лугу паслось стадо. В тени под кустом сидел старый пастух в валенках и смешных оранжевых ка-

лошах. Таня набралась храбрости и подошла к нему:

— Дедушка! У вас нету чем открыть?

Старик из-под мохнатых седых бровей поглядел на коробку, порывлся в карманах широченных штанов и достал складной нож.

— Дай-ка! — Он стал поддевать щербатым лезвием крышку. — Вся насквозь ржавая. В воде, что ли, лежала?

— Нет, не в воде, дедушка, а в земле. Это я клад нашла.

— Ась?

— Клад, дедушка, нашла. Мы с вами поделимся?

— Ладно уж, — улыбнулся старик. — Дай откроем как-нибудь. Тут и руку порезать недолго. Ишь, ржа кругом.

Наконец ему удалось поддеть кончиком ножа крышку; он осторожно нажал, и плоская коробка медленно, с ржавым скрипом открылась.

— Ну, что там, что, дедушка?

— Сейчас разберёмся, — ответил старик, вытирая руки о штаны и складывая нож. — Во, гляди! Вот он весь твой... клад.

Таня нагнулась над коробкой. В коробке лежала

маленькая тоненькая книжечка папиросной бумаги. К ней приклеилось несколько крупинок махорки. Немного махорки налипло и на ржавые стенки коробки. Под книжечкой оказался огрызок карандаша и чёрный мундштук с серебряным ободком. Они-то и погромыхивали, когда Таня встряхивала коробкой. Больше ничего в коробке не было.

— Небогато, — сказал старик.

— Да... — сказала Таня и села на траву рядом со стариком, — возьми себе, дедушка...

— Ну, куда её, ржавь такую...

Дедушка достал из кармана кiset, свернул огромную папиросу и закурил. А Таня стала разглядывать книжечку. В ней было немного страничек. Они слиплись, и нельзя было понять, сколько их. На первой страничке было что-то написано чернильным карандашом. Почерк был размашистый, некоторые слова не дописаны. Видно, тот, кто писал, сильно торопился. От сырости карандаш кое-где расплылся в лиловые пятна. Всё-таки Тане удалось разобрать. Там было написано: «16», потом «окт», а рядом «41».

Таня стала думать: «16» — это число, это понятно. «Окт» — это октябрь. А «41» — это, наверное, сорок первый год.

— Дедушка, — сказала Таня, — это, наверное, писали знаешь когда? В сорок первом году, шестнадцатого октября. Тут написано.

— Ась? Вот оно что! — Старик задумался. — Это, знать, солдат обронил. Здесь бои были, ох,

сильные бои! Вишь, земля до сей поры изрыта... Это солдатский портсигар. Может, его хозяин до Берлина дошёл. А может, и погиб... Кто ж теперь скажет?

— Мой папа тоже на войне погиб, — сказала Таня, — под Москвой...

Старик ничего не ответил. Таня стала медленно, с трудом читать дальше: «Дорогие мои мать, жена, сын и дочка...»

Больше на страничке не поместилось. А до следующей странички Таня не могла добраться, потому что боялась разорвать слипшуюся папиросную бумагу.

— «Дорогие мои мать, жена, сын и дочка...» — вслух повторила Таня.

И вдруг ей пришла в голову невероятная мысль. Да нет, не может быть! А почему не может быть? Очень даже может быть! Таня стала шептать:

— Мать — это бабушка. Жена — это мама. Сын — это Лёша. А дочка — это, конечно, я сама, Таня!

И Таня вскрикнула:

— Дедушка, миленький, это знаешь кто? Это, наверное, мой папа писал. Дедушка, миленький, это папа, я знаю, это папа!

Она вскочила, быстро сложила в коробку и книжечку, и карандаш, и мундштук, всё как было, и, не попрощавшись с пастухом, не оглядываясь, побежала по лесной дороге в санаторий. Она бежала и думала только об одном: она нашла письмо от папы.

Вот какой клад она нашла! Папа обещал написать и вот — написал. А она нашла! Через шесть лет! Сейчас она покажет папино письмо маме. Пусть мама скажет, папина это рука или не папина.

Таня бежала изо всех сил. Ноги теперь уже не просили: «Давай посидим». Нет, они быстро несли Таню по дороге. И вот она добежала до решетчатых ворот с вывеской: «Санаторий «Зелёный шум». Там дремал сторож. Таня с размаху толкнула калитку. Она скрипнула. Сторож очнулся и сказал:

— Нельзя! Мёртвый час.

— Дяденька, — сказала запыхавшаяся Таня, — мне очень надо... Зотову... Лидию Миронову...

— Знаю. Только потом. А сейчас никак!

— Почему, дяденька? Ведь это моя мама!

— Знаю. А хоть бы мама, или бабушка, или тётя, всё равно нельзя. У нас режим.

— А когда он уйдёт?

— Кто уйдёт?

— Режим.

Сторож с недоумением поглядел на Таню:

— Режим — это, стало быть, расписание, расписание. Понятно? Как мёртвый час окончится, пожалуйста, навещайте, гости, наших больных, а сейчас нельзя.

— А когда он кончится?

— Мёртвый час-то? Да часика через два. А ты посиди на лавочке или в лесу погуляй, цветочков для матери нарви. Ей приятно будет.

Таня растерялась:

— Два часа я не могу. Мне надо ей письмо передать.

— Какое такое письмо?

— Вот! Срочное письмо. — Таня показала сторожу плоскую заржавленную коробку. — Это от папы. Он писал шесть лет назад. Здесь, в окопах. А сейчас я нашла. Вот. Видите?

Сторож посмотрел на ржавую коробку, на книжечку, покачал головой и сказал:

— Ну, ладно, раз такое дело, ступай! Только потише, а то мне выговор через тебя будет. Потому как у нас режим...

Но Таня уже не слышала его. Она бежала по аллее. Песок скрипел под ногами. На большой клумбе покачивались диковинные цветы. Посередке блестел зеркальный шар. В нём всё отражалось.

Аллея привела Таню в тенистый парк. Там были гамаки и низенькие полотняные стулья. На них не сидишь, а почти что лежишь. Но как найти маму, когда все больные одинаково одеты в полосатые костюмы — полоска белая, полоска голубая?

Вдруг Таня услышала знакомый голос:

— Танюша!

Таня оглянулась. Неподалёку под толстой красной сосной на полотняном стуле лежала мама. На коленях у неё была открытая книга. Но мама не читала её, а, видно, лежала и думала. Таня бросилась к ней:

— Мамочка, я тебя ищу... А все одинаковые...

— Какая ты чумазая! — сказала мама. — Стыдно будет тебя здесь знакомым показать. А Лёша где?

— Он там... Копает ещё... всякие черепки...

— Сейчас пойдём умоемся, а то на тебя смотреть страшно. Ну, а ты-то что-нибудь нашла в курганах?

— Нашла, — сказала Таня и протянула маме плоскую ржавую коробку: — Вот!

Мама посмотрела на коробку:

— Зачем это тебе, Танюша? Ведь ты уж большая. Смотри, руки все в ржавчине. Брось её сейчас же!

— Нет, мама, — сказала Таня, — бросить нельзя, потому что там письмо.

— Какое письмо?

— Письмо... — Таня помолчала: — Очень простое письмо, мама... От... папы.

— Что?!

Мама побледнела и крепче взялась за палки низенького полотняного стула.

— Вот, посмотри!

Таня открыла коробку и протянула маме маленькую книжечку:

— Только они слиплись. Тут сверху написано: «16 октября сорок первого года». А дальше про тебя... и про Лёшу... и про меня...

— погоди!

Мама откинулась на полотняную спинку, минутку

лежала с закрытыми глазами, потом медленно поднялась, села и сказала:

— Давай!

Она взяла книжечку и стала осторожно отделять одну страничку от другой. Один листочек чуть надорвался, и Таня вскрикнула.

Все листочки были исписаны всё тем же торопливым карандашом. Мама разложила их по порядку на книге, которая лежала у неё на коленях, потом нагнулась и стала медленно и негромко читать:

— «Дорогие мои мать, жена, сын и дочка. Пишу

в окопе. Немецкие танки прут один за другим. Похоже, что больше не увидимся. Я смерти не боюсь. Если погибну, то ведь это за вас, за мою семью, за Москву, за родину. Верю, мои родные, мои хорошие, вернётся к вам счастье. Помните: оно куплено дорогой ценой. Помните это всегда. Берегите его. Книжечка кончается. Ладно, больше мне её не курить. Вот опять ползут, окаянные! Крепко целую вас. Про...» Про...щайте! — закончила мама, и белые руки её с папиросными листочками опустились на колени.

— Прощайте! — как эхо, повторила Таня.

Она стала на колени возле низенького стула, заглянула маме в глаза:

— Мамочка, это папа писал, правда? Скажи, мама, правда?

Мама пересчитала папиросные листочки. Их было восемь. Она сложила их стопкой и разгладила. Они тихонько шелестели.

— Ну, скажи, мама, это папа, да?

Мама прижала Танину растрёпанную голову к себе, поцеловала её в самую макушку и сказала:

— Доченька... по почерку трудно сказать... Ведь это писалось в страшную минуту... Всё-таки я думаю, что это он. Будем считать, что это папа.

И мама снова поцеловала Таню. А потом опять взяла папиросные листочки и стала их перечитывать, будто хотела выучить наизусть.

Она так и не решилась сказать Тане, что папа был некурящий и никогда не курил ни махорку, ни лёгкий табак и мундштука у него, конечно, никакого не было...

Глава тринадцатая

ВЯТИЧИ

После мёртвого часа Таня снова пошла на курганы. Теперь она была чистенькая, умытая, причёсанная. В косах были белые шёлковые ленты, которые мама попросила у нянечки в санатории. А подмышкой Таня несла завернутую в газету плоскую коробку с папиным письмом.

Солнце уже не так пекло. Стало прохладней. Таня прошла по мостику, увидела старые, заросшие травой окопы и вдруг ясно представила себе, как в этих окопах стоят бойцы. Один из этих бойцов — папа.

Они смотрят вперёд, ждут. И вот оттуда, может быть из-за того бугра, выползают фашистские танки. Они ползут вперёд, на ходу стреляют из больших пушек по окопам; рвутся снаряды, но бойцы не убегают, нет! Они смело стоят на месте. И папа тоже не убегает и тоже ждёт.

И вот, когда танки подходят совсем близко, раздаётся команда: «Огоны!» — и бойцы чуть приподымаются над окопами и изо всех сил швыряют гранаты, связки гранат, на танки, под гусеницы. И вот

взрывы, и громадные танки останавливаются, некоторые горят, чёрный дым стелется над речкой, над деревней Шумилово...

А папа достаёт свой солдатский портсигар и торопливо пишет на папиросных листочках: «Дорогие мои...» Он спешит, время не ждёт, вон ползут ещё танки, и снова гранаты, снова взрывы, и огонь, и бой...

И Тане кажется, что вот наконец-то она ясно-ясно вспомнила своего папу и видит его, как живого.

...Когда она подошла к курганам, там всё уже было кончено.

Все — и московские и шумиловские — собрались под старой берёзой. Пришла даже сама председательница колхоза.

Алексей Кузьмич объяснял:

— Вот мы и закончили наши раскопки. Это курганы вятичей. Вятичи и кривичи — наши предки.

Алексей Кузьмич подробно рассказывает про вятичей.

Все внимательно слушают.

Садится солнце, и на западе всё небо красное, словно там пожар.

Потом небо погасло, спустились сумерки и окутали синевой и старую берёзу, и разрытые курганы, и толпу, собравшуюся вокруг седой, древней земли. Только речка внизу блестит, и слышно, как там поют-заливаются лягушки.

Таня пробралась сквозь толпу к Лёше и дёрнула его за рукав:

— Лёша, а знаешь, что в коробке-то?

— В какой коробке? — шопотом спросил Лёша.

— В той, что я откопала...

— Ладно, Танька, потом, не мешай, давай слушать!..

Алексей Кузьмич рассказывал:

— В этих курганах, товарищи, видимо, были похоронены славянские воины. Возможно, что они защищали только что заложенный городок под названием «Москва» от кочевников. Эти храбрые воины — наши предки...

Таня снова дёрнула Лёшу и сказала ему на ухо:

— В этой коробке оказалось письмо от папы.

Лёша перестал слушать Алексея Кузьмича. Он обернулся к Тане. В сумерках только видно было, как блестят его глаза.

— Ты что, с ума сошла, Танька? — зашипел он.

— Нет, не сошла. И мама сказала, что от папы. Вот оно, здесь...

— Где? Давай скорей!

Лёша выбрался из толпы, отвёл Таню в сторонку, взял коробку, открыл её, достал папиросные листочки, но было уже темно. Ничего нельзя было разобрать.

Алексей Кузьмич кончил свои объяснения и крикнул:

— Зотов! Стасик! Всё. Собирайте бригады. Пора домой.

Все побежали на речку умываться.

Потом все во главе с Алексеем Кузьмичом разобрали заступы, вещевые мешки, фляжки и с весёлой отрядной песней зашагали к автобусной остановке.

Песню сочинил Женя Малов. Он сам и слова придумал и музыку. Он же и запевал:

Это наши луга, это наши поля,
Это наша родная земля.
Наши реки и горы,
И морские просторы,
И на́ небе звёзды,
И звёзды Кремля.

В автобусе Лёша снова попробовал прочитать листочки, но и там был слишком слабый свет.

И только когда наконец добрались до дому, Лёша снял с плеча вещевой мешок, вынул ржавую коробку, достал папиросные листочки, разложил их на своей половине стола, зажёл настольную лампу и стал их читать.

Бабушка сказала:

— Это что за чтение? Спать надо!

Таня сказала:

— Бабушка, это я там нашла, на кургане, где воины, где вятичи. Это, знаешь, бабушка, письмо от нашего папы.

Руки бабушки задрожали, она засуетилась:

— Что ты, Танюша, что ты! Батюшки, кто ж тебе сказал? Болтает, сама не знает что!

— Нет, и мама сказала!

Бабушка вынула из потёртого футляра очки, надела их, потом сняла, подошла к Лёше:

— Алексей, ну, прочитай... Что она, Танька, болтает...

Лёша стал медленно читать:

— «Дорогие мои мать, жена, сын и дочка...»

По лицу бабушки поползла слеза. Бабушка не вытирала её, и слеза всё катилась от морщинки к морщинке.

— «...Похоже, что больше не увидимся. Я смерти не боюсь. Если погибну, то ведь это за вас, за мою семью, за Москву, за родину...»

За открытым окном звенели трамваи, гудели машины, раздавались весёлые голоса неугомонных ребят.

А Лёша читал:

— «Верю, мои родные, мои хорошие, вернётся к вам счастье. Помните: оно куплено дорогой ценой. Помните это всегда. Берегите его». — Голос у Лёши задрожал. Он ниже опустил голову, помолчал, потом продолжал: — «Книжечка кончается. Ладно, больше мне её не курить. Вот опять ползут, окаянные!

Крепко целую вас. Про...» Прощайте! — с трудом закончил Лёша и положил на стол последний листочек.

Все молчали.

В комнате было тихо.

И только за окном всё стоял неумолчный, ровный, бодрый гул — вечный гул Москвы...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i>	
Длинное слово	3
<i>Глава вторая</i>	
Про папу	9
<i>Глава третья</i>	
Семейный совет	18
<i>Глава четвёртая</i>	
Дорогая мама!	23
<i>Глава пятая</i>	
Утром	30
<i>Глава шестая</i>	
Сейчас с вами будут говорить	38
<i>Глава седьмая</i>	
Поездка с пересадками	42
<i>Глава восьмая</i>	
Искать, так вместе	50
<i>Глава девятая</i>	
Золушка	58
<i>Глава десятая</i>	
Малый привал	66
<i>Глава одиннадцатая</i>	
А это какого века?	72
<i>Глава двенадцатая</i>	
Мёртвый час	80
<i>Глава тринадцатая</i>	
Вятлици	89

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу: Москва,
Малый Черкасский пер., д. 1.
Детгиз.*

ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ

Ответственный редактор Л. Гульбинская. Художественный редактор
Г. Вебер. Технический редактор Н. Самохвалова. Корректоры
Е. Кайрукштис и Е. Фирсова
Сдано в набор 30/VII 1949 г. Подписано к печати 6/VIII 1949 г. 6 п. л.
(3,25 уч.-изд. л.). 21 808 зн. в печ. л. Тир. 200 000 экз. А10028. Зак. № 2871.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сушевский вал, 49.

1905. 1908

Handwritten scribble or signature in purple ink.

36009

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И ЮВЕНА
ДЕТГИЗ

Цена 1 руб.